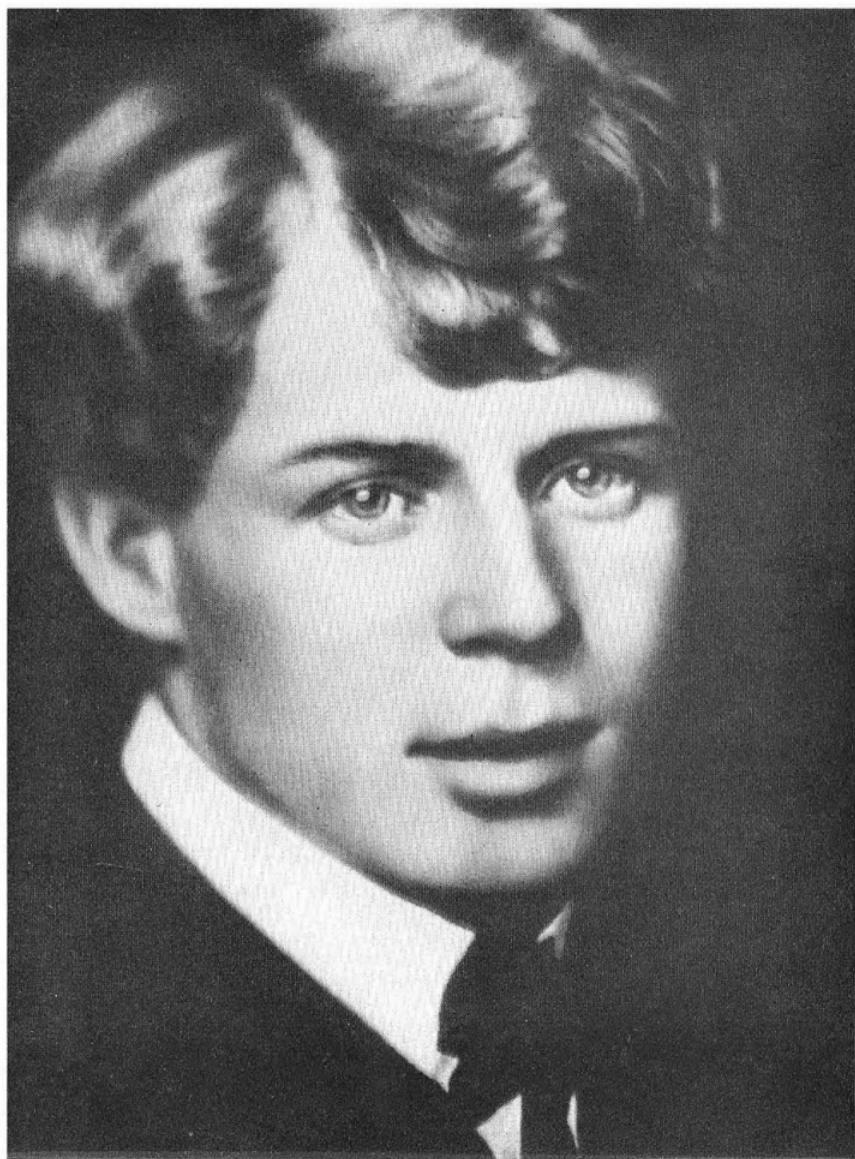

СЕРГЕЙ
ЕСЕВОИЧ

Scan Kreyder - 23.12.2017 - STERLITAMAK

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

1

Под общей редакцией
Е. А. Есениной, А. А. Есениной,
С. А. Васильева, С. П. Кошечкина,
Ю. Л. Прокушева, В. Д. Федорова

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК». ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА. 1970

Составление и примечания
А. А. Козловского, Ю. Л. Прокуцева

На фронтисписе: Сергей Есенин. 1919.

О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ

Давно двадцатый век пришел на смену веку девятнадцатому, а вокруг властителей дум «века минувшего» Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Некрасова, Чернышевского и Толстого кипят страсти, сталкиваются различные точки зрения, в их бессмертных творениях открываются для нас сегодня новые художественные дали...

Чем крупнее художник, масштабнее его творчество, самобытнее талант, тем труднее порой современникам полностью оценить вклад его в духовную жизнь нации, глубоко и всесторонне раскрыть все грани его дарования.

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.

* * *

На необъятной карте России, где-то под Рязанью, затерялась едва приметная точка — старинное приокское село Константиново.

В тот памятный день (2 октября 1965 года) с утра шли и ехали в Константиново люди. Рязанцы и москвичи, южане и сибиряки, ленинградцы и горьковчане,— они собрались на родине Есенина со всех концов России, чтобы в простой деревенской избе открыть музей великого поэта.

Здесь, на рязанской земле, отщумела юность, здесь он написал свои первые стихи...

До позднего вечера шли люди к «низкому дому с голубыми ставнями», чтобы поклониться родному очагу поэта.

Они будут идти туда всегда, как идут в Михайловское к Пушкину, в Тарханы к Лермонтову, на Волгу к Некрасову...

К вершинам поэзии Сергей Есенин поднялся из глубин народной жизни. «Рязанские поля, где мужики косили, где сеяли свой хлеб», стали страной его детства.

Мир народно-поэтических образов окружал его с первых дней жизни:

Родился я с песнями в травном одеяле,
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

И костер зари, и плеск волны, и серебристая луна, и шелест тростника, и необъятная небесная синь, и голубая гладь озер — вся красота родного края с годами отлилась в стихах, полные любви к русской земле:

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку,—
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

В сердце Есенина с юных лет запала Россия, ее грустные и раздольные песни, светлая печаль и молодецкая удаль, бунтарский разинский дух и кандалльный сибирский звон, церковный благовест и сельская тишина, веселый девичий смех и горе матерей, потерявших сыновей на войне.

От проникновенных стихов о стране «березового ситца», шири ее степных раздолий, сини озер, шуме зеленых дубрав до тревожных раздумий о судьбах России в «суровые грозные годы» каждая есенинская строка согрета чувством безграничной любви к Родине:

Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.

Боли и невзгоды крестьянской Руси, ее радости и надежды — все это отлилось у Есенина в задушевные и светлые, скорбные и гневные, грустные и радостные строфы.

О чем бы ни писал поэт, даже в самые тяжелые минуты одиночества светлый образ Родины согревал его душу. Что происходит, что свершается на родной Руси сегодня, что ожидает ее завтра — мысли эти неотступно тревожат его. «Моя лирика,— не без гордости говорил Есенин,— жива од-

ной большой любовью, любовью к Родине. Чувство Родины — основное в моем творчестве».

Вспомним его ранние стихи: «Край любимый! Сердцу сняться...», «Гой ты, Русь, моя родная...», «В том kraю, где желтая крапива...» и другие. Вспомним написанную девятнадцатилетним поэтом «Русь».

Среди ранних произведений Есенина, затрагивающих тему войны («Узоры», «Бельгия» и другие), «Русь» — наиболее зрелое в идеином и художественном отношении. В 1915 году поэт печатает «Русь» в журнале «Северные записки». «Этим стихотворением,— вспоминает один из современников Есенина,— он и приобретает себе известность и имя».

Война была для крестьянской Руси непоправимым бедствием. Сколько русских пахарей не вернулось к отчиму крову с войны! Миллионы могильных холмов — таков был кровавый след войны на земле. «Война мне всю душу изъела», — скажет поэт позднее в «Анне Снегиной».

Суров, печален, правдив в «Руси» рассказ поэта о Родине в годину военных невзгод. Атмосфера тревожного предчувствия надвигающейся беды уже ощутима в начале стихотворения:

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и владинах,
Как синеют кругом небеса.

Но поэту дорога и близка эта Русь. Ему хочется верить, что беда, может быть, обойдет отчий край стороной. А черные тучи уже застилают горизонт... Война!

Понакаркали черные вороны:
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озер.

Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские.
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Такие строки могут родиться только в сердце художника, для которого война — непоправимое человеческое горе. Вот откуда лирический накал этих строк.

Одна за другой развертываются в «Руси» грустные картины деревенской жизни во время войны. Опустели села

Осиrotели избы. Изредка нежданно-негаданно приходили в деревню солдатские весточки:

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.

Всей душой, всем сердцем поэт с народом — и в короткие радостные мгновения и в долгие годы горя и печали.

Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.

Поджиданье седых матерей... О многом заставляет нас и сегодня задуматься, многое заново пережить рассказ поэта о прошлых военных бедах на русской земле.

Стихотворение «Русь» — знаменательная веха во всем дооктябрьском творчестве Есенина, своего рода программное произведение. Трудно назвать иное стихотворение Есенина до 1917 года, где бы с такой определенной социальной направленностью, так художественно полноценно раскрывалось поэтом чувство любви к Родине. «Русь» стала как бы своеобразным художественным кредо молодого поэта.

Образ Родины в «Руси», как это порой случалось в ранних стихах Есенина, не застит ни религиозная символика, ни церковная лексика.

В «Руси» отчетливо слышен свой поэтический голос, своя песнь о Родине. И вместе с тем песнь эта как бы продолжает проникновенную кольцовскую песнь о русской земле; по настроению «Русь» чем-то перекликается с блоковскими скорбными раздумьями о Родине:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,—
Как слезы первые любви!

И едва ли не более всего она заставляет нас вспомнить строки знаменитой некрасовской песни «Русь»:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!..

И хотя в «Руси» Есенина слышится больше скорбный голос «музы печали», чем «музы мести», народного гнева,

нельзя не видеть, не почувствовать главного — что в основе своей это произведение, написанное кровью сердца, близко по духу поэзии Некрасова.

Есенинская лирика уходит своими корнями в ту реальную действительность, которая окружала поэта.

Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?

Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты — русская боль.

Сердце поэта гложет «плакучая» дума: «Ой, не весел ты, край мой родной».

Образы русских людей-тружеников выписаны в ряде ранних стихов Есенина с сыновней заботой об их судьбе, часто неустроенной и безрадостной. Здесь и крестьяне, у которых «заглушила засуха засевки, сохнет рожь, и не всходят овсы»; и девочка-малютка, просящая со слезами «хлеба черствого кусок» у окна больших хором; здесь и «старый дед, согнувши спину, чистит вытоптанный ток»; и старушка мать, у которой сын воюет в далеком краю; здесь и деревенские парни-рекрутчи, которые и «до рекрутства горе маяли»; и девушка-крестьянка, чей любимый убит на войне. Взор поэта замечает и сиротливые избы деревень и песчаную дорогу, по которой идут люди в кандалах. И было бы неверно по старой «традиции» видеть в ранней поэзии Есенина только идеализацию и поэтизацию патриархальной деревенской старины.

Время Есенина — время круtyх поворотов в истории России.

От Руси полевой, патриархальной, уходящей в прошлое, от России, ввергнутой царизмом в пучину мировой войны, — к России, преображенной революцией, России Советской — таков путь, пройденный поэтом вместе со своей Родиной, своим народом.

Грандиозен и прекрасен этот путь — путь Великого похода трудовой России в будущее. Вместе с тем он был суров, драматичен. И далеко не каждый из писателей того времени смог устоять на палубе корабля — России, когда разразилась революционная буря. Вспомним Алексея Толстого и его роман-эпопею об утраченной и вновь обретенной Родине. Вспомним трагедию Бунина...

Уже в произведениях, созданных Есениным вскоре после февральских событий, отчетливо слышны раскаты бушующего океана крестьянской стихии, мятежного набата:

Слышен волховский звон
И Буслаев разгул,
Закружились под гул
Волга, Каспий и Дон.

Такой теперь предстает перед взором поэта русская земля — вчера еще печальный, «покойный уголок», «родина кроткая», «сторона ковыльной пущи». Весь мир для него окрашен в светлые, радужные тона. Русский пахарь, русский крестьянин, еще совсем недавно такой мирный, превращается в отважного богатыря-великана Отчаря, который прижимает к плечу «нечелованный мир». Есенинский мужик — Отчарь наделен «силой Аники», его «могутные пле-чи — что гранит-гора», он «несказанен и мудр», в речах его «синь и песня». Есть в этом образе что-то от богатырских фигур русского былинного эпоса. Отчарь заставляет вспомнить, пожалуй, прежде всего богатыря — пахаря Микулу Селяниновича, которому была подвластна великая тяга земли, и он, играючи, распахивал чистое поле своей чудо-сохой.

Октябрь озарил есенинскую поэзию новым светом. «Не будь революции,— говорил он,— я, может быть, так бы и за-сож на никому не нужной религиозной символике». Правда, на первых порах революционная тема решалась Есениным своеобразно. Новый мир предстает в его стихах еще либо в виде утопических картин мужицкого рая на земле, либо в виде романтического «града Ионии», где живет «божество живых» и господствует «революционная» вера.

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!

Но и теперь главное в его произведениях — осознание силы, свободы, которую и поэту и крестьянской Руси принес Октябрь. Все, что свершалось в России в годы Октября, было необычно, неповторимо, ни с чем не сравнимо.

«Сегодня пересматривается миров основа», — утверждал Владимир Маяковский. «Революционный держите шаг!» — призывал сынов восставшей России Александр Блок. Великие перемены в жизни России предчувствовал и Сергей Есенин:

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли...

Мы радугу тебе — дугой,
Полярный круг — на сбую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Полный жизненных сил, уверенности в себе, поэт «сегодня рукой упруго готов повернуть весь мир».

Поэт решительно отбрасывает прочь мотивы смирения, покорности и восторженно провозглашает:

Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Все больше его захватывает «вихревое» начало, вселенский, космический размах событий.

Поэт Петр Орешин, вспоминая о встречах с Есениным в годы революции, подчеркивал:

«Есенин принял Октябрь с неописуемым восторгом, и принял его, конечно, только потому, что внутренне был уже подготовлен к нему, что весь его нечеловеческий темперамент гармонировал с Октябрем...»

В те незабываемые дни в его стихи врывались из бурной революционной действительности чеканные, напряженные ритмы:

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

Это было в 1918 году. Позднее Маяковский скажет об этих стихах: «Потом стали мне попадаться есенинские строки и стихи, которые не могли не нравиться...»

Есенин чувствовал: о России, преображенной Октябрем, нельзя петь по-старому. «Революция, а он «избянные песни»... На-ка-за-ние! Совсем старик отяжелел», — говорил он одному из поэтов о Клюеве, а другому в письме советовал: «Брось ты петь эту стилизационную клюевскую Русь с ее несуществующим Китежем... Жизнь, настоящая жизнь Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества».

Дыхание революционной грозы коснулось и лирических стихотворений Есенина, полных любви к Родине и тончайшего проникновения в мир русской природы.

Я по первому снегу бреду,
В сердце ланьши вспыхнувших сил.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

Радость обновления родной земли захватила поэта.

О музя, друг мой гибкий,
· · · · · · · · · ·
Теперь бы песню ветра
И нежное баю —
За то, что ты окрепла,
За то, что праздник светлый
Влила ты в грудь мою.

Казалось, еще немного усилий, и извечная мечта русского пахаря о «золотом веке» станет явью.

Но жизнь революционной Руси разворачивалась все круче: полыхал огонь гражданской войны, терзали страну интервенты; разруха и голод делали свое черное дело.

Наперекор всем трудностям, в ожесточенной схватке с врагом прокладывал пролетариат России дорогу в социалистическое будущее. Именно в этот сложный период классовых битв и проявился наиболее ощутимо «крестьянский уклон» Есенина. «В годы революции,— писал поэт в автобиографии,— был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном». Не следует думать, что крестьянский уклон — проявление только субъективных сторон мировоззрения и творчества поэта. В произведениях Есенина этот уклон прежде всего отражал те конкретные, реальные, объективные противоречия, которые были характерны для русского крестьянства в период революции. «Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян,— это стремление,— указывает В. И. Ленин,— красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции...»

Суровые будни военного коммунизма потребовали железной дисциплины, введения проразверстки, трудовой ювенности; потребовали подчинения всей жизни страны единой цели — победить врага.

Трудно тогда было многим, очень многим сразу осмыслить этот исторически неизбежный крутой поворот в жизни революционной России.

«Россия во мгле» — так назвал свою книжку английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, побывавший у нас в 1920 году.

«Еще один год гражданской войны — и окончательный уход России из семьи цивилизованных народов станет неизбежным»,— писал он в этой книге.

В это суровое, грозное время не выдержало, дрогнуло сердце «последнего поэта деревни»:

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.

Мучительно встает перед ним вопрос: «Куда несет нас рок событий?» Ответить тогда на него было нелегко. Всюду вокруг были видны следы войны и разрухи: голодные, опустевшие села, тощие, неухоженные поля, черные паутины трещин на опаленной засухой, мертвой земле...

Тогда-то и рухнули утопические мечты поэта о «Граде И nonии, где живет божество живых». Он слагает свой «Сорокоуст»:

Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной аллилуйя.

Вслушайтесь, какая кровоточащая боль и неуемная скорбь о невозвратной, исторически обреченной на гибель старой деревне звучит в «Сорокоусте», «Песни о хлебе», «Исповеди хулигана», в стихотворениях «Мир таинственный, мир мой древний...», «Я последний поэт деревни...», и вместе с тем какая в этой трагедийной песне поэта обжигающая душу тревога за будущее России!

Разве можно забыть романтический образ есенинского «красногривого жеребенка»! Он имеет глубокий исторический смысл:

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Ход времени, ход истории неумолим. Поэт это чувствует. «Конь стальной победил коня живого»,— с тревогой и грустью замечает он в одном из писем.

Сумеют ли люди будущего сохранить красоту природы? Тревожны раздумья Есенина.

Волнует по-своему это и нас сегодня...

Поэт стремится познать смысл происходящего:

О, если б прорости глазами,
Как эти листья, в глубину.

* * *

В годы революции идейное и художественное развитие поэта сдерживалось еще и чужеродными влияниями на его творчество, особенно начиная с 1919 года, литературной группы имажинистов.

Имажинисты по своим литературным взглядам были типичными представителями формалистического искусства, эстетами и сnobами. «Искусство—есть форма. Содержание—одна из частей формы»,— безапелляционно заявляли они.

Что же привело реалиста Есенина в лоно вычурной поэтики имажинистов?

В первые годы революции Есенин проявляет особый интерес к выявлению природы органического, «предметного» образа, отношению поэзии к жизни и другим эстетическим проблемам.

Поэт очень строго подходит к оценке и своих стихов и творчества других писателей. «Я очень много болел за эти годы,— отмечает он в одном из писем той поры,— очень много изучал языки и к ужасу своему увидел, что... все мы, в том числе и я, не умели писать стихов».

Сближаясь с имажинистами, Есенин поначалу считал, что его эстетические принципы близки к их творческим устремлениям. На самом же деле формалистические изыски имажинистов были глубоко чужды есенинской поэзии. Имажинисты порой уводили его на свои извилистые проселки

Трагическая тема человека, чуждого по духу деклассированной богеме и стремящегося вырваться из ее цепких лап, взволнованно раскрывается Есениным в ряде стихотворений «Москвы кабацкой»:

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет!»

Художественный авторитет Есенина уже в те годы был высок. Имажинисты, литературная известность которых часто равнялась нулю, всеми силами старались держаться за Есенина, в то время как он все яснее ощущал различие между своим и их взглядами на искусство. «Собратьям моим кажется,— говорил Есенин весной 1921 года об имажинистах,— что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада... Но да простят мне мои собратья, если я им скажу, что такой подход к искусству слишком несерезный... У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласованно все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния».

Нередко художник, чтобы лучше понять настоящее, обращается к тем событиям прошлого, которые, как ему кажется, чем-то созвучны его времени.

Так появляется есенинский «Пугачев». Задумав свою пьесу как лирическую драму, Есенин не дает в ней эпических картин народного восстания. Однако народность драмы — в художественном раскрытии автором социальных причин восстания, в показе того, что выступление против самодержавия всех слоев трудовой России — и крепостных крестьян, и яицких казаков, и населения царских окраин, стонущих «от российской чиновничьей неволи», и уральских рабочих — было исторически неизбежным:

Уже мятеж вздымает паруса.
Нам нужен тот, кто б первый бросил камень.

В самобытной дерзновенной фигуре вождя крестьянской вольницы — Пугачева, в товарищах его — «местью вскормленном бунтовщике» Хлопуше, смельчаке Зарубине, мечтающем, что «не беда, а нежданная радость упадет на мужицкую Русь», раскрыты замечательные черты русского характера: живой ум и молодецкая удасть, честность и справедливость, ненависть к рабству и угнетению, верность общему делу, любовь к родине. Центральный образ произведения — Пугачев. Это обусловило и своеобразие композиции пьесы. «Кроме Пугачева, — замечает сам автор, — никто почти в трагедии не повторяется: в каждой сцене новые лица. Это придает больше движения и выдвигает основную роль Пугачева».

Мы видим Пугачева и в момент, когда только зреет мятеж; и после первых неудачных выступлений яицких казаков, когда некоторые из них уже готовы бежать в Турцию; и в дни, когда Пугачев решает объявить себя царем («Больно, больно мне быть Петром, когда кровь и душа Емельянова»); и, наконец, в тяжелые минуты крушения замыслов Пугачева.

В «Пугачеве» нашло свое отражение тревожное раздумье Есенина о будущем крестьянской Руси, которое так волновало поэта в ту пору.

А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Максим Горький, которому Есенин читал «Пугачева» во время встречи в Берлине, вспоминал позднее: «Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось».

* * *

Поэзия Есенина в высшей степени драматична и правдива, она полна острых социальных конфликтов и поистине трагедийных коллизий, глубоких, порой, казалось бы, неодолимых, кричащих противоречий.

«Сорокоуст» и «Анна Снегина», «Пугачев» и «Песнь о великом походе», «Русь уходящая» и «Капитан земли», «Исповедь хулигана» и «Стансы», «Москва кабацкая» и «Персидские мотивы» — поначалу трудно даже представить, что все эти поэмы и стихи создал один человек, да к тому же за такое невероятно короткое время.

И тем досаднее и огорчительнее, что в прошлом произведения Есенина рассматривались многими пишущими о поэте крайне односторонне и тенденциозно. Противоречия во взглядах и творчестве поэта чаще всего объяснялись лишь индивидуальными чертами характера Есенина, «раздвоенностью» его личности и другими субъективными моментами.

Особенно усиленно мысль о «раздвоенности» лирического героя поэзии Есенина, об идиллической влюбленности поэта в русскую патриархальную старину и «отстраненности» от революционной действительности подчеркивалась, когда заходила речь о таких стихах и поэмах, как «Сорокоуст», «Черный человек», «Исповедь хулигана», «Москва кабацкая», «Я последний поэт деревни...», и некоторых других.

При этом долгое время упускалась из виду другая объективная сторона жизни и творчества поэта. Драматизм поэзии Есенина порожден прежде всего теми историческими объективными условиями, в которых поэт жил и создавал свои произведения. Противоречия во взглядах и творчестве Есенина являлись глубоким и серьезным отражением в его душе действительных явлений жизни. Не надо сглаживать противоречия Есенина, не надо выпрямлять его жизненный путь. Этого нельзя делать даже при самых благих намерениях. Отнять у Есенина его противоречия, драматизм, умолчать о некоторых произведениях, а другие, наоборот, выпятить — это значит обокрасть и поэта и самих себя.

Необходимо понять объективный характер противоречий Есенина, выявить и проследить главную тенденцию, главную линию развития его поэзии: показать, почему и как он приходит от «Ионии» и «Сорокоуста» к «Анне Снегиной», «Руси советской», «Песни о великом походе».

Важную роль в этом решительном повороте к Руси советской сыграла поездка Есенина в Европу и Америку. Еще в 1922 году Есенин отмечал: «Только за границей я понял совершенно ясно, как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства». В своих заграничных письмах поэт говорит о пагубном влиянии «господина доллара» на европейскую жизнь и искусство. «Там, из Москвы, нам казалось, что Европа — это самый обширный рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет еще такой страны и быть не может».

Своему очерку об Америке, напечатанному в августе 1923 года, после возвращения из-за границы, в газете «Известия», Есенин дал выразительное название «Железный Миргород». Поэта поразил резкий контраст между индустриальной мощью, зрелостью технической мысли, размахом строительства в стране и бедностью внутренней культуры Америки, инертностью мысли среднего американца, его мещанским представлением о счастье в духе героев гоголевского Миргорода. «Сила железобетона, громада зданий,— замечает Есенин,— стеснили мозг американца и сузили его зрение. Нравы американцев напоминают незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича».

Характеризуя круг жизненных и культурных интересов американцев, Есенин отмечает, что «владычество доллара

сьело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в бизнес и остального знать не желает».

Вместе с тем, видя в европейских странах высокое развитие техники, поэт еще острее почувствовал неизбежность конца полевой, нищей Руси. По пути из Европы в Америку «я вспомнил про «дым отечества», про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за «Русь», как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию... С того дня я еще больше влюбился в коммунистическое строительство».

Но, конечно, решающим и определяющим фактором «перелома» настроений Есенина явились те огромные революционные изменения и социальные сдвиги, которые происходили на родине поэта. Русь советская залечивала раны войны и разрухи. Многие из противоречий, которые еще недавно казались неразрешимыми, отошли в прошлое.

Поэт радуется добрым переменам, которые происходили в жизни русского крестьянства. «Знаешь,— рассказывал Есенин Юрию Либединскому,— я сейчас из деревни... А все Ленин! Знал, какое слово надо сказать деревне, чтобы она сдвинулась. Что за сила в нем, а?»

Есенин все больше пытается понять, осмыслить философски все, что происходит в эти годы в России, во всем мире. Расширяются горизонты, масштабы его поэзии.

«Зрело знающий работу» поэт в это время написал большинство своих широко известных «маленьких поэм»: «Русь советская», «Русь уходящая», «Возвращение на родину», «Черный человек» и другие, цикл «Персидские мотивы» и более шестидесяти лирических стихотворений. Все это за два года! Тогда же Есениным были написаны его знаменные историко-революционные поэмы: «Песнь о великом походе», «Анна Снегина», «Поэма о 36», «Баллада о двадцати шести».

Эпоха Петра и эпоха Октября — к ним приковано внимание поэта в двух «сказах» — двух частях «Песни о великом походе».

«Мы (то есть народ.— Ю. П.) всему цари» — эта ведущая идея первого «сказа» получает художественное воплощение в образе «рабочего люда», построившего средь туманов и болот город. Те, кто строил его, погибли, «на их костях лег тугой гранит». Но всесильного царя Петра страшит народное возмездие. По ночам ему слышится гневный голос тех, кто погиб:

И все двести лет
Шел подземный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд...»

Питерские рабочие (чьи деды и прадеды гордо заявляли: «Мы всему цари»), поднявшиеся на защиту города революции,— главные герои второго «сказа».

Поэт слагает песнь в честь бойцов «красного стана»:

Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

Сатирически рисует Есенин «белый стан», выразительно передавая его обреченность. Вместе с тем, изображая врага, он не преуменьшает смертельной опасности интервенции. Отсюда острота, напряженность драматического конфликта, сила художественной правды поэмы.

Если в «Песни о великом походе» большое внимание уделено рассказу о тех исторических предпосылках, которые привели к крушению самодержавия, то в «Анне Снегиной» главная тема — Октябрь в деревне. Поэма полна драматических коллизий, связанных с судьбой народа и прежде всего крестьянских масс в революции. Вспомним одну из кульминационных сцен «Анны Снегиной» — тревожный, взорванный разговор радовских мужиков с поэтом о земле:

Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?

Настойчиво их желание узнать от поэта правду о Ленине, который, как они слышали, борется за то, чтобы отдать крестьянам «без выкупа пашни господ»:

«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

Эти афористические строки о Ленине — народноможе знаменательны. Здесь поэт поднимается до подлинного историзма в показе революционных событий. С этими событиями тесным образом связана судьба главных героев поэмы: помещицы Анны Снегиной, весь хутор которой во время революции крестьяне «забрали в волость»; крестьянина-бедняка Оглоблина Прона, борющегося за власть Советов и мечтающего побыстрее устроить коммуну в своем селе; старика мельника; рассказчика-поэта, земляка Прона, вовлеченного революционной бурей в «мужицкие дела». Отношение автора поэмы к своим героям проникнуто лирической задушевностью, озабоченностью их судьбами.

Полны глубокого исторического смысла в «Анне Снегиной» и авторские раздумья о тяжелых, непоправимых бедах, которые принесла народам мировая война:

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько свойской несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароют еще!
И чувствуя в скулах упрямых
Жестокую судорогу щек.

В отличие от первых произведений, воспевающих преображенную крестьянскую Русь как единое целое, в «Анне Снегиной» поэт показал разных «мужиков»: крестьянетруженики, особенно деревенская беднота, горячо приветствуют Советскую власть и идут за Лениным; есть среди крестьян и такие, которых, по глубокому убеждению Прона, «еще нужно варить»; есть закоренелые собственники, вроде «отвратительного малого» — возницы; есть крикуны и бездельники, как Лабутя, ищащие в революции «легкой жизни».

По-разному воспринимают ломку старых устоев и другие герои поэмы. Анна Снегина, когда-то мечтавшая вместе с юным поэтом о славе, выбита революцией из привычного уклада помещичьей жизни. На что-то надеясь, она отправилась искать счастье на чужбину, но надежды растаяли, как дым, и осталась только мечта об утраченной родине:

Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу средь судов все пристальней
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна...

Об «Анне Снегиной» было принято порой, особенно в прошлом, говорить только как о лирической поэме, хотя очевидно, что источник ее художественной силы не только в глубочайшей лиричности, но и в эпической масштабности изображаемых событий.

От утопического «мужицкого рая» на земле в «Ионии» Есенин пришел в «Анне Снегиной» к реалистическому изображению сложного пути русского крестьянства в революции, сумел создать яркие драматические характеры.

В последние годы жизни Есенин задумывает большую поэму о революции. Судя по сохранившимся в его архиве черновым вариантам и отдельным наброскам, замысел этой поэмы претерпел важные изменения. От первоначального намерения сосредоточить внимание на эпизодах гражданской войны, связанных с махновщиной, Есенин в дальней-

шем отходит. Смерть прервала работу Есенина над поэмой «Гуляй-поле». Но еще в 1924 году он печатает большой отрывок, посвященный Ленину. «Есенин,— рассказывает жена поэта С. А. Толстая-Есенина,— относился к Владимиру Ильичу с глубоким интересом и волнением. Часто и подробно расспрашивал о нем всех лиц, его зналших, и в отзывах его было не только восхищение, но и большая нежность. Смерть Ленина произвела на поэта огромное впечатление. Он... несколько часов провел в Колонном зале у гроба вождя». Поэт был свидетелем безмерного человеческого горя, народной скорби и единения. О пережитом в эти дни Есенин написал позднее в поэме.

Созданный Есениным образ Ленина глубоко лиричен. Поэт с трепетным волнением говорит о ленинской человечности и простоте. Ленин у Есенина «скромней из самых скромных» и в то же время он человек богатырской внутренней энергии, «мятежник», встревоживший весь мир. Веками стонал народ, ждал, надеялся, что придет когда-нибудь человек, который поднимет знамя свободы. И он пришел:

Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: «Чтоб кончить муки,
Берите всё в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет —
Как ваша власть и ваш Совет».

Какой же силой повернул Ленин шар земной? Показ событий революции в поэме подводит читателя к мысли, что сила эта в глубокой народности ленинской политики.

Чувствуя всем сердцем великую правду Ленина, поэт не может еще художественно раскрыть до конца всю преобразующую силу великих ленинских идей. Но вместе с тем он с глубоким внутренним удовлетворением отмечает, что начатое Лениным великое дело преобразования России после его смерти уверенно продолжает созданная им партия.

И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.
Для них не скажешь:
«Ленин уме р!»
Их смерть к тоске не привела.

* * * * *

Еще суровей и угрюмей
Они творят его дела...

Так возникает в поэме тема ленинского бессмертия.

Есенин мечтал написать большую поэму о Ленине. Он говорил своему другу — редактору «Бакинского рабочего» П. И. Чагину: «Я в долгу перед образом Ленина, ведь то, что я писал о Ленине,— и «Капитан земли» и «Еще закон не отвердел, страна шумит, как непогода»,— это слабая дань памяти человека, который не то что, как Петр I, Россию вздернул на дыбы, а вздыбил всю нашу планету».

Поняв умом великую правду Ленина, поэт вновь и вновь пристально вглядывается в кипение жизни, стремясь, по его словам, «постигнуть в каждом миге Коммуной вздыбленную Русь».

* * *

В стихах, написанных Есениным в 1924—1925 годах, особенно на Кавказе, новое берет решительный перевес над старым. Поэт весь в движении. Он чувствует теперь себя «самым яростным попутчиком» новой жизни.

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном
В великих штатах СССР.

Многие стихотворения Есенина той поры — «Мой путь», «Письмо матери», «Письмо к женщине», «Письмо к сестре», «Письмо деду», «Собаке Качалова» — и другие, где он как бы оглядывается на свой путь, во многом автобиографичны: это честная и мужественная исповедь поэта. По-настоящему художественные в них образы, без которых трудно представить себе творчество Есенина. И прежде всего высоко поэтичен образ матери.

В самые трудные минуты жизни поэт обращается к матери, как к верному другу:

Ты одна мне помошь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

На Кавказе Есенин написал замечательный цикл лирических стихотворений «Персидские мотивы». Сколько кристальной чистоты в отношении поэта к «милой Шаганэ».

Пленительна красота восточной природы, ласков южный ветер, но думы о родине и здесь не покидают поэта, неудержимо влечет его к себе земля дедов и отцов:

Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.

«Персидские мотивы» показывают, как светла и чиста была песнь любви, которая рождалась в сердце поэта.

Весной 1925 года Есенин вернулся в Москву. С тяжелым предчувствием оставлял он новых друзей, у которых ему так хорошо работалось, так легко дышалось:

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь болезней и ближе,
И чувствую сильней простое слово: друг.

Приехав в Москву, Есенин хочет «не дружить» с богемой. Об этом своем намерении он говорил еще в одном из кавказских писем: «Весной, когда приеду, я уже не буду никого подпускать к себе близко... Все это было прощание с молодостью. Теперь будет не так». В стихотворении «Мой путь» поэт говорит:

Ну что же?
Молодость прошла!
Пора приняться мне
За дело,
Чтоб озорливая душа
Уже по-зрелому запела.

И пусть иная жизнь села
Меня наполнит
Новой силой...

Но эта позиция не устраивала некоторых «друзей» Есенина. За спиной у него и при нем они говорили, что он «настоящий» поэт не в «Руси советской», а в «Москве кабацкой». Раздавались голоса, что многие из кавказских стихов Есенина посредственны и что о Марксе и Ленине Есенину, пожалуй, писать рано.

Есенину, отдававшему все, а вернее, жертвовавшему всем ради творчества, у которого, как однажды заметил Д. Фурманов, «вся жизнь — в стихах», эти нападки ранили сердце, расшатывали нервы, сбивали его с пути. Особенно остро это ощущается в поэме «Черный человек».

Стремление переменить обстановку, избавиться от некоторых московских «друзей» приводит Есенина в конце декабря 1925 года в Ленинград, где он предполагал пробыть до лета, чтобы затем поехать в Италию к М. Горькому. Но намерения эти остались неосуществленными. В ночь с 27 на 28 декабря в гостинице «Англетер» поэт оборвал свою жизнь. За день до своего трагического конца Есенин написал стихи «До свиданья, друг мой, до свиданья...» и дал их знакомому ленинградскому поэту, который зашел к нему в номер. Тот хотел их здесь же прочитать, но Есенин оставил его: «Нет, ты подожди! Останешься один — прочитаешь. Не к спеху ведь». Ленинградец вспомнил о них только тогда, когда Есенина не стало.

Стихи были опубликованы. Некоторые критики — современники поэта пытались представить их как поэтическое завещание Есенина и даже как выражение «духа» времени. Ухватились за эти строки и те, кто в период нэпа испытал на себе влияние мелкобуржуазной стихии. Эти «почитатели» после смерти Есенина стремились доказать неизбежность такого конца, убедить, что причина смерти поэта в том, что он растратил свои силы, что его лирический талант вступил в конфликт с эпохой.

Между тем в последний период творчества Есенина сама жизнь, советская действительность отвечала на вопрос, так мучительно волновавший поэта: «Куда несет нас рок событий?» С годами все здравее, понятнее представлялись Есенину события октябряской эпохи:

Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулему!

Именно за последние годы талант Есенина раскрылся особенно полно и многогранно. И поэт это чувствовал. В автобиографии, написанной им в июле 1924 года, он отмечал, что «здесь не все сказано. Но я думаю, мне пока еще рано подводить какие-либо итоги себе. Жизнь моя и мое творчество еще впереди». Это сознание, что жизнь впереди, не покидало поэта и позднее.

Даже в стихах конца 1925 года сквозь образ метели, как подснежник ранней весной, пробивает себе дорогу светлая радость бытия:

Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

И кто знает, окажись в трагические для поэта дни рядом с ним настоящие, верные друзья, не почувствовал ли бы он опять, после метели на сердце, в груди весну. «Не будем винить только его,— писал после смерти Есенина А. В. Луначарский.— Все мы — его современники — виноваты более или менее. Это был драгоценный человек. Надо было крепче биться за него. Надо было более по-братски помочь ему».

Сколько радости приносил поэт людям, открывая перед ними новые дали, новые горизонты прекрасного в жизни! Сколько людей согревало свои сердца у чудесного костра поэзии Есенина, сколько наслаждалось задушевными звуками его лиры! И как часто они были, к сожалению, невнимательны к Есенину-Человеку, как часто он был одинок и беззащитен! «Я видела, как ему трудно, плохо, как он одинок,— вспоминает Августа Миклашевская.— Понимала, что виноваты и я и многие, ценившие и любившие его. Никто из нас не помог ему по-настоящему. Он тянулся, шел к нам.

С ним было трудно, и мы отходили в сторону, оставляя его одного».

«Не удержался. Видать, разбился о камень черствых людских сердец», — сказал Сергей Миронович Киров, узнав о смерти поэта.

* * *

Уйдя из жизни в 30 лет, Есенин оставил нам чудесное поэтическое наследство. Его талант раскрылся особенно ярко и самобытно в лирике.

Лирический герой поэта — современник эпохи грандиозной ломки человеческих отношений; мир его дум, чувств, страстей сложен и противоречив, характер драматичен.

Есенин обладал неповторимым даром глубокого поэтического самораскрытия, даром улавливать и передавать тончайшие оттенки самых нежнейших, самых интимнейших настроений, которые возникали в его душе:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

.
Я теперь скучеё стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Прискакал на розовом коне.

В поэзии Есенина нас покоряет и захватывает в «песенный плен» удивительная гармония чувства и слова, мысли и образа, единство внешнего рисунка стиха с внутренней эмоциональностью, душевностью. «В стихах моих,— писал поэт в 1924 году,— читатель должен главным образом обращать внимание на лирическое чувствование и ту образность, которая указала пути многим и многим молодым поэтам и беллетристам. Не я выдумал этот образ, он был и есть основа русского духа и глаза, но я первый развил его и положил основным камнем в своих стихах. Он живет во мне органически так же, как мои страсти и чувства. Это моя особенность, и этому у меня можно учиться так же, как я могу учиться чему-нибудь другому у других».

«Лирическим чувствованием» проникнуто все творчество поэта: его раздумья о судьбах родины, стихи о любимой, волнующие рассказы о четвероногих друзьях. Подобно шишкинскому лесу или левитановской осени, нам бесконечно дороги и близки и «зеленокосая» есенинская березка — самый любимый образ поэта; и его старый клен «на

одной ноге», стерегущий «голубую Русь»; и цветы, низко склонившие в весенний вечер к поэту свои головки.

В стихах Есенина природа живет неповторимой поэтической жизнью. Она вся в вечном движении, в бесконечном развитии и изменении. Подобно человеку, она поет и шепчет, грустит и радуется. В изображении природы Есенин использует богатый опыт народной поэзии.

Он часто прибегает к приему олицетворения. Черемуха у него «спит в белой накидке», вербы — плачут, тополи — шепчут, «туча кружево в роще связала», «пригорюнились девушки-ели», «улыбнулась солнцу сонная земля», «словно белою косынкой подвязалася сосна», «заря окликает другую», «плачут метель, как цыганская скрипка», «и березы в белом плачут по лесам», «кленёночек маленький матке зеленое вымя сосет», «тихо в чаще можжевеля по обрыву. Осень — рыжая кобыла — чешет гриву».

Природа у Есенина многоцветна, многокрасочна.

Любимые цвета поэта — синий и голубой. Эти цветовые тона усиливают ощущение необъятности степных просторов России («только синь сосет глаза», «синь, упавшая в реку», «солнца струянные дранки загораживают синь», «вечером синим, вечером лунным», «предрассветное, синее, раннее», «синий май, заревая теплынь», «в летний вечер голубой»), выражают чувство нежности и любви («голубая кофта, синие глаза», «парень синеглазый», «заметался пожар голубой», «разве ты не хочешь, персиянка, увидать далекий синий край» и т. п.).

«Искусство для меня,— отмечал Есенин в 1924 году,— не затейливость узоров, а самое необходимое слово того языка, которым я хочу себя выразить». Реальность, конкретность, осозаемость характерны для образного строя поэта. Вспомним, к примеру, есенинский месяц: «ягненочек кудрявый — месяц гуляет в голубой траве»; «рыжий месяц жеребенком запрягался в наши сани»; «а месяц будет плыть и плыть, роняя весла по озерам»; «посмотри: во мгле сырой месяц, словно желтый ворон... вьется над землей».

Природа у Есенина — не застывший пейзажный фон: она живет, действует, горячо реагирует на судьбы людей, события истории. Она — любимый герой поэта, она неотделима от человека, от его настроения, от его мыслей и чувств.

Белинский однажды заметил, что сила гениального таланта основана на живом, неразрывном единстве человека и поэта. Именно это слияние человека и поэта в лирике Есенина заставляет учащенно биться наши сердца, страдать и радоваться, любить и ревновать, плакать и смеяться вместе с поэтом.

И еще: в свое время писали много и справедливо о «половодье чувств» поэзии Есенина.

А вот о другом — о крыльях мысли есенинского стиха, мысли всегда ищущей, открытой, эмоциональной, порой мучительно беспокойной — все еще говорится очень и очень редко.

Но ведь Есенин — яркий, самобытный, глубокий мыслитель. Характерно признание одного из современников поэта: «Собеседнику всегда казалось... что Есенин высказался в данную минуту до самого дна, тогда как до самого дна есенинской мысли на самом деле никогда и никто донырнуть не мог!»

В поэзии Есенина чувства и мысли слиты нераздельно. Достаточно вспомнить хотя бы такие его стихи, как «Отговорила роща золотая...», «Возвращение на родину», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Несказанное, синее, нежное...», «Заметался пожар голубой...», «Письмо к женщине», «Спит ковыль. Равнина дорогая...» и многие другие.

В них и «половодье чувств» и половодье мысли...

* * *

Все полнее вырисовывается в наши дни поэтическое дарование Есенина, идеально-эстетическое значение его произведений, реалистический дух есенинского стиха, живая, кровная связь творчества Есенина с народнопоэтическими традициями и русской классикой:

Писали раньше
Ямбом и октавой.
Классическая форма
Умерла,
Но ныне, в век наш
Величавый,
Я вновь ей вздернул
Удила.

О реалистическом характере произведений Есенина говорится во многих статьях о поэте. Но закономерно возникает вопрос, какой это реализм: критический? социалистический? или это неореализм? Об этом, к сожалению, в работах о Есенине — ни слова. Между тем если раннее творчество Есенина сравнительно легко укладывается в русло реализма критического, то такие его произведения, как «Анна Снегина», «Баллада о двадцати шести», «Песнь о великом походе», «Письмо к женщине», «Стансы», «Русь советская», «Ленин» (отрывок из поэмы «Гуляй-поле»), уже никак не отнесешь к реализму критическому.

Какую правду утверждает Есенин в этих произведениях, ради чего их создает? Как относится в них к историческим событиям, о которых рассказывает, и, самое главное, каков идеал поэта? К чему он стремится, о чем мечтает?

Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ламанша.

(«Письмо к женщине», 1924 г.)

Я вижу все
И ясно понимаю,
Что эра новая —
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветр, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

(«Стансы», 1924 г.)

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

(«Неуютная жидккая лунность...», 1925 г.)

Еще в 1923 году Есенин писал: «Пусть я не близок коммунистам, как романтик в моих поэмах,— я близок им умом и надеюсь, что буду, может быть, близок и в своем творчестве». Поистине пророческие слова.

Конечно, было бы наивно думать, что совершилось все это легко и просто. Нет! И еще раз нет! И мы могли бы здесь привести другие строки, другие, горькие откровения поэта о днях, растратченных напрасно. Но важно главное — тенденция. А она очевидна и ясна:

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

Само революционное время, сама эпоха объективно требовали от поэзии нового подхода к изображению действительности.

Есенин, который всегда стремился в стихах «давать самую жизнь», а не только ее отображение, это хорошо чувствовал.

В середине 20-х годов Есенин, решительно переступив через все формалистические «измы», создает произведения, которые с полным основанием следует отнести к поэзии социалистического реализма.

«О России и революции», «Русь советская», «Страна советская» — так называет Есенин новые книги, которые выходят у него в это время в Москве и на Кавказе. В них голос новой России, ее мечты, надежды, тревоги, в них душа

народа, душа поэта, в них сама жизнь в вечном борении добра со злом. Мы чувствуем, как трудно было поэту окончательно расстаться с прошлым, видим, как нелегко ему было порой шагать по неизведанным дорогам новой жизни.

А кому из поэтов — современников Есенина было легко? Блоку? Маяковскому? «Поэзия — вся! — езда в незнамое».

Порой творчество Блока, Бедного, Есенина, Маяковского противопоставляется друг другу. Бывает и так, что одного поэта «поднимают» за счет других. Или, что еще досаднее, творчество одного поэта становится неким эталоном, а произведения, которые не подходят под этот «эталон» и требуют своего конкретного анализа, иногда остаются за бортом социалистического реализма. Все это приводило и приводит к одностороннему, обедненному представлению о поэзии эпохи Октября.

А ведь при всем идеино-художественном своеобразии Блок, Бедный, Маяковский, Есенин были едины в главном — в неподдельной тревоге за судьбы восставшей России. Каждый из них «в годы революции был всецело на стороне Октября», каждый сказал свое вдохновенное слово о тех незабываемых днях.

«Двенадцать» Блока, «Главная улица» Бедного, «Анна Снегина» Есенина, «Хорошо!» Маяковского — это прекрасные и неповторимые страницы бессмертного эпоса революции.

* * *

Ныне все очевидней становится, что творчество Есенина — это творчество подлинно великого национального поэта. Оно не укладывается ни в какие рамки «крестьянской поэзии» (вспомним «Анну Снегину», «Персидские мотивы», «Черного человека», «Балладу о двадцати шести», «Письмо к женщине», «Москву кабацкую», «Страну негодяев»). Однако при жизни Есенин был накрепко зачислен критикой в группу «крестьянских поэтов». Близкий друг Есенина поэт Сергей Городецкий рассказывает: «Он терпеть не мог, когда его называли пастушком, Лелем, когда делали из него исключительно крестьянского поэта. Отлично помню его бешенство, с которым он говорил мне в 1921 году о подобной трактовке его». Позднее, в 1924 году, Есенин признавался одному из друзей: «Если бы ты знал, до чего мне надоело быть крестьянским поэтом! Зачем? Я просто поэт, и дело с концом!»

«Традиционный» взгляд на Есенина как крестьянского поэта, явно сужающий идеальные, эстетические, тематические границы его поэзии и заведомо снижающий ту огромную роль, которую сыграло творчество Есенина в развитии всей советской и мировой поэзии, долго господствовал в критической литературе о поэте. В известной мере он дает знать о себе и сегодня.

Бесспорно, корни поэзии Есенина в рязанской деревне. Не случайно с такой гордостью говорил он в стихах о своем

крестьянском первородстве: «У меня отец — крестьянин, ну, а я — крестьянский сын». Не случайно в революционные дни семнадцатого года Есенин видит себя продолжателем кольцовских традиций.

Но не следует забывать и упускать из виду еще одно очень важное обстоятельство. Россия была страной крестьянской. Три русские революции XX века — это революции в крестьянской стране. Крестьянский вопрос всегда волновал передовые умы России. Вспомним Радищева, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого.

Историей был дан России один-единственный путь решения «крестьянского вопроса» — путь социалистического переустройства русской деревни. Принимая этот путь умом, Есенин чувствовал сердцем, что преодолеть его Руси крестьянской будет далеко не так легко и просто, как это казалось иным его современникам. Отсюда постоянные тревожные, порой мучительные раздумья Есенина о будущем крестьянской Руси:

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И не эта ли обжигающая сердце правда чувств особенно дорога нам в стихах Есенина, не в этом ли подлинное величие поэта?!

Есенин глубоко знал жизнь крестьянской России, был кровно связан с жизнью русского крестьянства — все это объективно способствовало тому, что он смог стать истинно народным, национальным поэтом и в ярких реалистических произведениях сказать свое правдивое слово о главных событиях своей эпохи.

* * *

Все полнее встает перед нами сегодня образ Есенина — поэта и человека, личности яркой, неповторимой.

«Это был крупный, красивый человек. Его внешность, его стихи еще тогда, при жизни, казались мне явлением под стать Шаляпину», — вспоминает С. Т. Коненков.

Внешне он был по-моцартовски беспечен. «Вид у него был всегда такой,— рассказывает один из современников поэта,— словно он бездельничает, и только по косвенным признакам могли мы судить о том, с какой серьезностью, если не сказать — с благоговением, относится он к своему непрерывающемуся, тихому и благородному труду».

Есенин не переносил фальши, лицемерия, позы, он «всегда оставался самим собой». Правдивость была главной

чертой его таланта. Он имел право сказать о себе, своих стихах: «Я сердцем никогда не лгу». Есенин любил людей, тянулся к ним всем сердцем, и люди тянулись к нему. «В нем было то,— отмечает Петр Орешин,— что дается человеку от рождения: способность говорить без слов».

Есенин жил, «волнуясь сердцем и стихом».

Как-то один из знакомых поэта заметил:

— Вечно ты шатаешься, Сергей. Когда же ты пишешь?

— Всегда,— последовал ответ.

Есенин говорил одному из поэтов: «Если я за целый день не напишу четырех строк хороших стихов, я не могу спать». А другому по-товарищески советовал: «И еще запомни: работай, как сукин сын! До последнего издохания работай! Добра желаю!»

Живя открытым сердцем, готовый все отдать людям, Есенин не был так прост, как это казалось иным из его современников. Очень верно эту черту характера Есенина подметил Николай Никитин: «Да, он был очень общителен.. Но в этой общительности была в то же время и сдержанность. На мой взгляд, Есенин вовсе не был так прост, как думается. Он был человек по-своему и сложный и простой. И до известной степени замкнутый, как это ни странно говорить о нем, прожившем свои дни среди шума».

Не потому ли даже те, кто находился с поэтом долго, так и не смогли открыть «секрета» его волшебства. И, к сожалению, проглядели, у какого чистого человеческого родника они находились, какой прометеев огонь бушевал рядом с ними. Тогда-то и сочинялись всяческие «лыгенды» и «романы без вранья».

Из всех легенд о Есенине, пожалуй, самая живучая и самая несправедливая легенда о «беспечном таланте». И жаль, что бытует она кое-где и поныне.

А сколько раз приходилось читать и слушать в прошлом о «пессимизме» Есенина. Но ведь такого жизнелюба, каким был Есенин, найти трудно! Он был наделен редчайшим даром чувства прекрасного в окружающем его мире. Красота жизни была открыта ему до дна.

Что же касается мотивов печали и грустных раздумий, то Есенин был глубоко убежден: «Поэту необходимо чаще думать о смерти, и только памятуя о ней, поэт может особенно остро чувствовать жизнь». И тогда, добавим мы от себя, в сердце поэта рождаются такие стихи:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

· · · · ·
Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

* * *

Произведения подлинно национального художника волнуют и влекут к себе не только его соотечественников, но неизбежно вызывают горячий отклик в умах и сердцах людей других стран и наций.

Вот необычный томик стихов. Листы его заполнены узенькими вертикальными столбцами затейливых знаков, страницы помечены в обратном порядке—от конца к началу. Хорошо знакомые фотографии говорят, что автор этого томика, впервые появившегося в книжных магазинах японской столицы Токио в один из февральских дней 1930 года,— русский поэт Сергей Есенин. Об этом же говорят и заглавные иероглифы на обложке: «Собрание стихотворений Есенина. Книга вторая избранных советских поэтов». Первой была книга Владимира Маяковского. Краткое вступление «От переводчика» начинается фразой: «Сергей Есенин является одним из выдающихся поэтов Советской России».

Во многих европейских странах читатель познакомился с произведениями Есенина при жизни поэта. К моменту, когда в далекой Японии вышел томик Есенина, его стихи уже были известны в Париже и Риме, Варшаве и Праге, Софии и Брюсселе, Нью-Йорке и Мадриде, Лондоне и Берлине. В 1923 году во Франции вышел отдельный сборник произведений поэта, в Италии в 1923—1925 годах стихи и поэмы Есенина («Иония», «Русь советская» и др.) были опубликованы в римских и миланских журналах.

Особенно большой интерес к творчеству Есенина проявляют писатели славянских стран, где еще в двадцатые годы есенинские стихи получили широкую известность. К поэзии Есенина здесь одними из первых обращаются писатели, чье творчество было связано с народной жизнью, борьбой против буржуазных порядков. Так, в Болгарии, где впервые произведения Есенина были напечатаны в 1922—1923 годах, пролетарский писатель Д. Полянов переводит есенинского

«Товарища», поэт Л. Стоянов—«Весну» и «Метель», Хр. Радевский — «Русь советскую» и другие стихи.

В Польше одним из первых к поэзии Есенина в двадцатые годы обратился зачинатель польской пролетарской поэзии Владислав Броневский. В 1926 году в Варшаве отдельным изданием вышел «Пугачев», переведенный Броневским.

В Словакии в 1936 году вышла книга стихов Есенина в переводе классика словацкой поэзии Янко Есенского, который, будучи в 1918 году в России, познакомился с творчеством Есенина. Выдающийся немецкий поэт Иоганнес Бехер считал Есенина одним из самых замечательных поэтов-лириков своего времени, блестящим мастером стиха. Он посвятил Есенину одно из своих стихотворений.

Огромная притягательная сила лирики Есенина признана сегодня во всем мире. Известный прогрессивный турецкий писатель Назым Хикмет говорил: «Есенин — один из величайших поэтов мира, один из честнейших поэтов мира... Есенин всегда был с советским народом. Есенин был со всеми народами мира, которые любят жизнь, любят красоту и честность».

* * *

К сожалению, вскоре после смерти Есенина стали появляться статьи и воспоминания «друзей» и «почитателей» его поэзии, в которых искажался подлинный облик Есенина как художника и человека. (Достаточно вспомнить печальной памяти «Роман без вранья» А. Мариенгофа, книжонку А. Крученых «Черная тайна Есенина» и др.)

М. Горький, А. Толстой, Л. Леонов, Б. Лавренев, Д. Фурманов и другие художники слова в своих высказываниях и статьях о Есенине, его поэзии показали, в чем неувядаемая сила его стихов.

«Мы потеряли великого русского поэта», — писал Максим Горький, потрясенный смертью Есенина.

В 1926 году Горький написал известные воспоминания о поэте, в которых подчеркивает гуманизм, сердечность, удивительный размах и силу его поэзии.

Глубоко национальная основа поэзии Есенина всегда волновала Алексея Толстого. После смерти Есенина он написал: «Умер великий национальный поэт. Он уже стучался во все стены. Он сжег свою жизнь, как костер. Он сгорел перед нами... Его поэзия есть как бы разбрасывание обеими пригоршнями сокровищ его души. Считаю, что нация должна надеть траур по Есенину».

«Это был великий художник», — убежденно говорил Александр Серафимович. «С огромной интуицией, с огромным творчеством, — подчеркивал он, — единственный в наше время поэт. Такой чудовищной способности изображения тончайших переживаний, самых нежнейших, самых интимнейших, — ни у кого из современников... Чудесное наследство».

А автор «Чапаева» Дмитрий Фурманов записывает в своем дневнике: «...Большое и дорогое мы все потеряли. Такой это был органический, ароматный талант, этот Есенин, вся эта гамма простых и мудрых стихов — нет ей равного в том, что у нас перед глазами».

Владимир Маяковский, в сердце которого в те дни рождались строки ныне широко известного стихотворения «Сергею Есенину», решительно выступал против панибратского отношения к памяти поэта и его имени со стороны некоторых «друзей» Есенина: «Сережа» как литературный факт — не существует. Есть поэт — Сергей Есенин. О таком просим и говорить».

Позднее, вспоминая январские дни 1926 года, когда Москва хоронила Есенина, писатель Юрий Либединский рассказывал: «Перед тем как отнести Есенина на Ваганьковское кладбище, мы обнесли гроб с телом его вокруг памятника Пушкину. Мы знали, что делали,— это был достойный преемник пушкинской славы».

В свое время некоторые пишущие о Есенине постарались изобразить дело таким образом, что круг есенинских друзей и знакомых из литературной среды был якобы всегда весьма ограничен и включал главным образом имажинистов и близких к ним людей.

Представление это, бытующее еще и поныне, на самом деле весьма и весьма далеко от истинного положения вещей.

Всеволод Иванов, Николай Тихонов, Василий Наседкин, Петр Орешин, Александр Ширяевец, Юрий Либединский, Николай Никитин, Владимир Кириллов, Всеволод Рождественский, Сергей Городецкий, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Сергей Коненков, Василий Качалов, Леонид Леонов, Григорий Якулов, Петр Чагин и другие видные писатели, художники, журналисты были близко знакомы с Есениным, относились к поэту заботливо и дружески. «Редкий из писателей и поэтов с ним не был знаком»,— отмечает в своих воспоминаниях поэт Василий Наседкин.

Первым поэтом, с которым молодой Сергей Есенин встретился в Петрограде в 1915 году, был Александр Блок. «Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные»,— так отзывался Блок о стихах Есенина после их первой встречи. «Я очень люблю Блока»,— не раз признавался позднее Есенин. Это не мешало Есенину иногда внутренне спорить с Блоком, отходить от него, чтобы затем вновь вернуться к его стихам. Последний раз он перечитывал стихи Блока незадолго до своей смерти.

Тогда же впервые Есенин встретился в Петрограде и с поэтом Сергеем Городецким, который позднее отмечал: «Есенин подчинил всю свою жизнь писанию стихов. Для него не было никаких ценностей в жизни, кроме его стихов... Вся работа Есенина была только блистательным началом. Если б долю того, что теперь говорится и пишется о нем, он услышал бы при жизни, может быть, это начало имело бы такое

же продолжение. Но бурное его творчество не нашло своего Белинского».

«Со времени Кольцова земля Русская не производила ничего более коренного, естественного, уместного и родового, чем Сергей Есенин.. Вместе с тем Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом, моцартовской стихией», — так воспринимал стихи Есенина поэт Борис Пастернак, с которым Есенин неоднократно горячо спорил и полемизировал. Другой поэт — современник Есенина — Николай Тихонов справедливо утверждает:

«Человек будущего так же будет читать Есенина, как его читают люди сегодня. Сила и яркость его стиха говорят сами о себе. Его стихи не могут состариться. В их жилах течет вечно молодая кровь вечно живой поэзии».

Многие поэты, чья лира зазвучала уже после Есенина, пережили радость первой встречи с его стихами, у каждого из них в душе «свой Есенин», каждый из них сказал свое живое, взволнованное слово о великом поэте России.

Поэзия Есенина близка и дорога всем народам нашей страны. Стихи его звучат на украинском и белорусском, латышском и эstonском, грузинском и казахском, молдавском и узбекском и других языках.

«Очень русский поэт Сергей Есенин сделался родным и для нас, узбеков, — пишет поэт Гафур Гулям. — И если Есенин «тянулся» к Востоку, то сейчас поэты Советского Востока тянутся к нему, черпают в его поэзии то, что им органично, близко». Преклонение и восхищение перед Есениным звучат в словах литовского поэта Юстинаса Марцинкевичюса: «Есенин — чудо поэзии. И как о всяком чуде, о нем трудно говорить. Чудо нужно пережить. И надо в него верить. Чудо есенинской поэзии не только убеждает, но и всегда волнует, как проявление большого человеческого сердца». С таким же восхищением писал о Есенине украинский поэт Павло Тычи-на: «Сергей Есенин! Кого мне поставить в один ряд с ним — таким высокоодаренным, самобытным певцом России?»

* * *

Уже полвека живет неповторимое есенинское песенное слово. Казалось бы, все, о чем рассказывает Есенин в стихах, он рассказывает о себе. Но все это глубоко волнует каждого из нас. За личной судьбой поэта встает его время, его эпоха. И не только его время, но и наше время. Из своих двадцатых годов он незримо шагнул к нам, в сегодня, и дальше — в будущее...

Юрий Прокушев

Стихотворение

* * *

Вот уж вечер. Роза
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвый колотушкой.

1910

* * *

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

1910

* * *

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плынут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А выюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

1910

* * *

Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милушки
В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечко щука,
С ним — милушкину любовь.

Не нашлось мое колечко,
Я пошел с тоски на луг,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милушки новый друг».

Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной.

1911

* * *

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусяря.

Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

1911

* * *

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюся на другой».
Побледнела, словно саван, сколодела, как роса.
Душегубкою-змеею развидась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе,—
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

1911

* * *

За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь —
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед лицом спасителя
За погибшую душу мою.

1916

* * *

Опять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливается задорно
Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой
Ты кажешь девичью красу,
И треплет ветер под косынкой
Рыжеволосую косу.

Дуга, раскальваваясь, пляшет,
То выныряя, то пропав,
Не заворожит, не обмашет
Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе — высокая светлица,
А мне — далекий монастырь.

Там синь и полымя воздушней
И легкодымней пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты — разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине:
Я по тебе — в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.

Но и поняв, я не приемлю
Ни тихих ласк, ни глубины —
Глаза, увидевшие землю,
В иную землю влюблены.

1916

• * *

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул
за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Пусть послушает красавица прибаски жениха.

1912

ПОДРАЖАНЬЕ ПЕСНЕ

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачъ, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

1910

* * *

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, склоняясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в алостях зари.

1910

* * *

Матушка в Купальнице по лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбины ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорога схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле,
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

1912

* * *

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венок из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметами лесной.

На березке пообъедена кора,—
Выживают мыши девушку с двора.

Бются кони, грозно машут головой,—
Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

1914

* * *

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чаще, птахи, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

1914

* * *

Туча кружево в роще связала,
Закурился пахучий туман.
Еду грязной дорогой с вокзала
Вдалеке от родимых полян.

Лес застыл без печали и шума,
Виснет темь, как платок, за сосной.
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной.

Пригорюнились девушки-ели,
И поет мой ямщик на-умяк:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».

1915

* * *

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

1910

* * *

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы,—
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

1910

* * *

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганые дранки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист.

Дробь копыт и хрип торговок
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.

За лещужною сурьмою —
Бабий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?

Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.

Ты ли, Руслан, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд.

КАЛИКИ

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись пречистому Спасу.

Пробиралися странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иисусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Дёвки, в пляску! Идут скоморохи!»

1910

* * *

Задымился вечер, дремлет кот на брусе.
Кто-то помолился: «Господи Иисусе».

Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повети.
Где-то мышь скребется в затворенной клети...

У лесной поляны — в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копья, уперлися в небо.

Закадили дымом под росою рощи...
В сердце почивают тишина и молчание.

1912

* * *

Край любимый! Сердцу сняться
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стゾзвонных.

По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы — кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

1914

* * *

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым бояком —
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прядел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.

1914

* * *

Шел господь пытать людей в любови,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом, в дуброве,
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Виши, какой убогой,—
Знать, от голода качается, болезный».

Подошел господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь».

1914

ОСЕНЬ

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень — рыжая кобыла — чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Сышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

<1914—1916>

* * *

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.

Я вижу — в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная мати
С пречистым сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распять воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднюю у куста».

И в каждом страннике убогом
Я вызнавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

1914

В ХАТЕ

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низкó,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

1914

* * *

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».

Зори пенились и таяли.
Все кричали, пяча грудь:
«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.

Выходили парни бравые
За гуменные плетни,
А девчоночки лукавые
Убегали,— догони!

Над зелеными пригорками
Развевалися платки.
По полям бредя с кошелками,
Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остàльние деньки.

1914

* * *

Гой ты, Ру́сь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Эвонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Ру́сь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

1914

* * *

Я — пастух; мои палаты —
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышишь шепот сосняка.

Светят зелено в сутёмы
Под росою тополя.
Я — пастух; мои хоромы —
В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алых зори,
Причащаюсь у ручья.

1914

* * *

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выгладала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

1914

* * *

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей псалтырь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов — как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

1914

* * *

Чую радуницу божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

Голубиный дух от бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В богородицын покров.

1914

* * *

По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки,
На канавах звенят костыли.

Топчут лапти по полю кукольни,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.

Отряхают старухи дулейки,
Вяжут девки косницы до пят.
Из подворья с высокой келейки
На платки их монахи глядят.

На вратах монастырские знаки:
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чуя воров на гумне.

Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон.

1914

* * *

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь,
Сенокос некошеный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и быль,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

1914

* * *

Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь, и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.

Собрались прихожане у чаши,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко ледащий:
«Спаси, господи, люди твоя».

Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кряжистых сил:
«Еще молимся, братья, о вере,
Чтобы бог нам поля оросил».

Заливались веселые птахи,
Крапал брызгами поп из горстей,
Стрекотуны-сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.

Зыбко пенились зори за рощей,
Как холстины ползли облака,
И туманно по быльнице тощей
Меж кустов ворковала река.

Скинув шапки, молясь и вздыхая,
Говорили промеж мужики:
«Колосилась-то ярь неплохая,
Да сгубили сухие деньки».

На коне — черной тучице в санках —
Билось пламя-шлея... синь и дрожь.
И кричали парнишки в еланках:
«Дождик, дождик, полей нашу рожь!»

1914

* * *

Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.

Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпь камыши.

Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах зари
Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали, на кукане реки,
Дремнью песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты — русская боль.

1914

* * *

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянеется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слухают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

1914

* * *

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненочек кудрявый — месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога,—
И кажется с тропы далекой —
Вода качает берега.

А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

О сторона ковыльной пущи,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуща
Солончаковая тоска.

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей ширы
Пугливо кажется темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.

<1915—1916>

* * *

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.

Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.

Много зла от радости в убийцах,
Их сердца прости,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.

1915

* * *

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня
Плынут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!

В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далких.

<1916>

* :- *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ве~~т~~ром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,

Всё ж кто выдумал твой гибкий стан и
плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

<1916>

* * *

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору;
Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгинувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощам
Шербленый лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахохленной совы.

Все гуще хмаръ, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

<1916>

* * *

Ношь и поле, и крик петухов...
С златной тучки глядит Саваоф.
Хлесткий ветер в равнинную синь
Катит яблоки с тощих осин.

Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской сентября!
Смолкшим колоколом над прудом
Опрокинулся отчий дом.

Здесь все так же, как было тогда,
Те же реки и те же стада.
Только ивы над красным бугром
Обветшалым трясут подолом.

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму,
Уж кому-то не петь на холму.
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.

Тихо-тихо в божничном углу,
Месяц месит кутью на полу...
Но тревожит лишь помином тишь
Из запечья пугливая мышь.

<1917>

* * *

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна.

За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.

Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болотный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

<1917>

ГОЛУБЕНЬ

В прозрачном холоде заголубели долы,
Отчетлив стук подкованных копыт,
Трава поблекшая в расстеленные полы
Сбирает медь с обветренных ракит.

С пустых лощин ползет дугою тощей
Сырой туман, курчаво свившись в мох,
И вечер, свесившись над речкою, полошет
Водою белой пальцы синих ног.

*

Осенним холодом расцвечены надежды,
Бредет мой конь, как тихая судьба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.

В дорогу дальнюю, не к битве, не к покою,
Влеют меня незримые следы,
Погаснет день, мелькнув пятой златою,
И в короб лет улягутся труды,

*

Сыпучей ржавчиной краснеют по дороге
Холмы плешивые и слегшийся песок,
И пляшет сумрак в галочьей тревоге,
Согнув луну в пастушеский рожок.

Молочный дым качает ветром села,
Но ветра нет, есть только лёгкий звон.
И дремлет Руся в тоске своей веселой,
Вцепивши руки в желтый круто склон.

*

Манил начлег, недалеко до хаты,
Укропом вялым пахнет огород,
На грядки серые капусты волноватой
Рожок луны по капле масло льет.

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба
И с хруптом мысленно кусаю сгурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводит облако из стойла под уздцы.

*

Ночлег, начлег, мне издавна знакома
Твоя попутная разымчивость в крои,
Хозяйка спит, а свежая солома
Примята ляжками вдовеющей любви.

Уже светает, краской тараканьей
Обведена божница по углу,
Но мелкий дождь своей молитвой ранней
Еще стучит по мутному стеклу.

*

Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный лик.
Иные в сердце радости и боли,
И новый говор липнёт на язык.

Водою зыбкой стынет синь во взорах,
Бредет мой конь, откинув удила,
И горстью смуглую листвы последний ворох
Кидает ветер вслед из подола.

<1916>

* * *

Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы
На златых моих ресницах.

Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.

Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

<1917>

* * *

Запели тесаные дороги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку,—
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

<1916>

* * *

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

<1917>

КОРОВА

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.

Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.

Не дали матери сына,
Первая радость не впрок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.

Скоро на гречневом свее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шее
И поведут на убой.

Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роща
И травяные луга.

1915

* * *

Под красным вязом крыльцо и двор,
Луна над крышней, как злат бугор.

На синих окнах накапан лик:
Бредет по туче седой Старик.

Он смуглой горстью меж тихих древ
Бросает звезды — озимый сев.

Взрастает нива, и зерна душ
Со звоном неба спадают в глушь.

Я помню время, оно, как звук,
Стучало клювом в древесный сук.

Я был во злаке, но костный ум
Уж верил в поле и водный шум.

В меже под елью, где облак-тын,
Мне снились реки златых долин.

И слышал дух мой про край холмов,
Где есть рожденье в посеве слов.

1915

ТАБУН

В холмах зеленых табуны коней
Сдувают ноздрями златой налет со дней.

С бугра высокого в синеющий залив
Упала смоль качающихся грив.

Дрожат их головы над тихою водой,
И ловит месяц их серебряной уздой.

Храпя в испуге на свою же тень,
Зазастить гривами они ждут новый день.

*

Весенний день звенит над конским ухом
С приветливым желаньем к первым мухам.

Но к вечеру уж кони над лугами
Брыкаются и хлопают ушами.

Все резче звон, прилипший на копытах,
То тонет в воздухе, то виснет на ракитах.

И лишь волна потянется к звезде,
Мелькают мухи пеплом по воде.

*

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.

Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.

А эхо резвое, скользнув по их губам,
Уносит думы их к неведомым лугам.

Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о родина, сложил я песню ту.

1915

ПРОПАВШИЙ МЕСЯЦ

Облак, как мышь,
подбежал и взмахнул
В небо огромным хвостом.
Словно яйцо,
расколовшись, скользнул
Месяц за дальним холмом.

Солнышко утром в колодезь озер
Глянуло —
Месяца нет...
Свесило ноги оно на бугор,
Кликнуло —
месяца нет.

Клич тот услышал с реки рыболов,
Вздумал стариk подшутить.
Отраженье от солнышка
с утренних вод
Стал он руками ловить.

Выловил.
Крепко скрутил бечевой,
Уши коленом примял.
Вылез и тихо на луч золотой
Солнечных век
привязал.

Солнышко к небу глаза подняло
И сказало:
«Тяжек мой труд!»

И вдруг солнышку
что-то веки свело,
Оглянулся —
месяц как тут.

Как белка на ветке, у солнца в глазах
Запрыгала радость...
Но вдруг...
Луч оборвался,
и по скользким холмам
Отраженье скатилось в луг.

Солнышко испугалось...
А старый дед,
Смеясь, грохотал, как гром.
И голубем синим
вечерний свет
Махал ему в рот крылом.

<1915?>

* * *

О товарищах веселых,
О полях посеребренных
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.

Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.

Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки.
Тихих вод парагуш квелый
Курит люльку на излуке.

Легким дымом к дальним пожням
Шлет поклон день ласк и вишен.
Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.

Мир вам, рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.

1916

* * *

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок,
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.

У голубого водопоя
На шишкоперой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.

Кадила темь и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до рощи,
К твоей родительской избе.

И долго-долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.

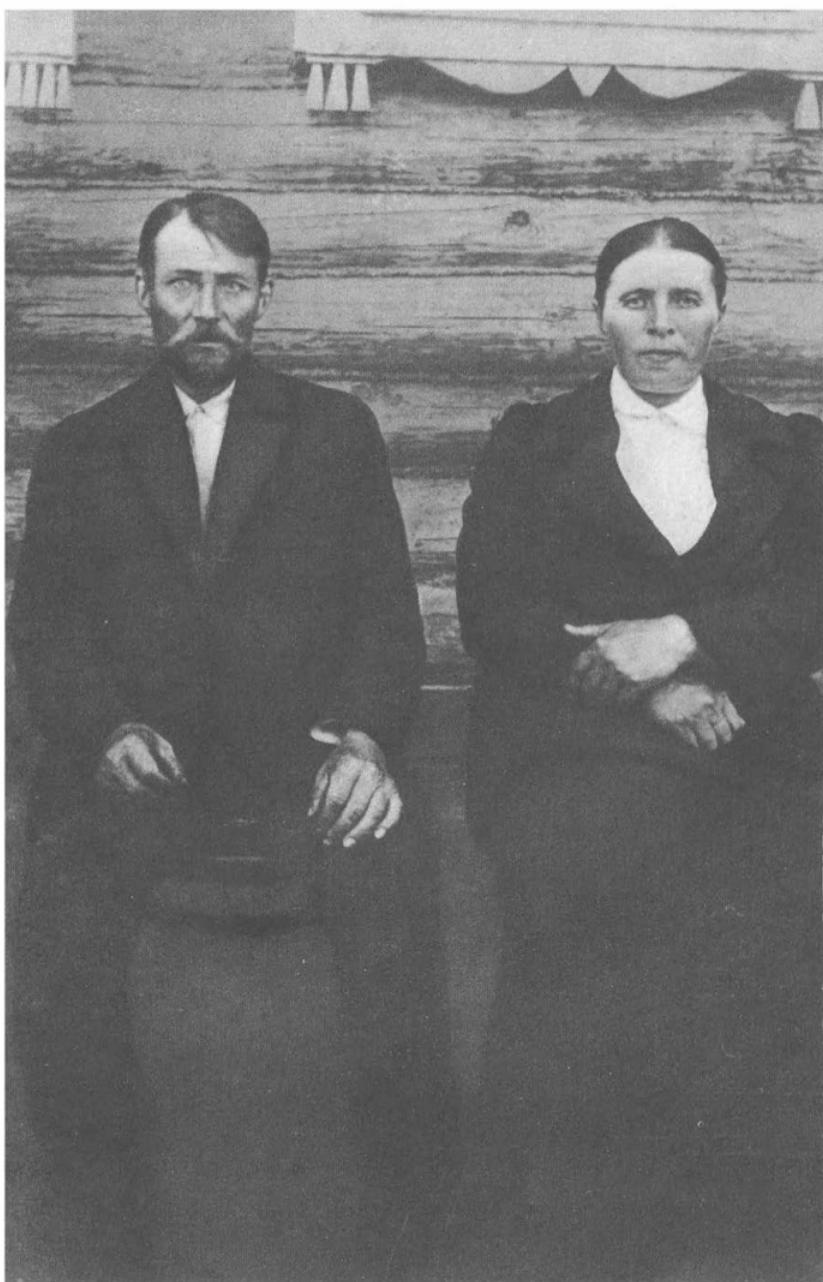
1916

Сергей Есенин среди константиновцев (стоит, в кепке).
1909—1910.

Дом Никиты Осиповича Есенина, деда поэта. В этом
доме родился Сергей Александрович Есенин.

Татьяна Федоровна Есенина и Александр Никитич Есенин — родители поэта. 1926.

* * *

Алый мрак в небесной черни
Начертил пожаром грань.
Я пришел к твоей вечерне,
Полевая глухомань.

Нелегка моя кошница,
Но глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница,
Все мы тесная родня.

Разошлись мы в даль и ширь
Под лазоревым крылом.
Но зовет нас из псалтыри
Заревой заре псалом.

И придем мы по равнинам
К правде сошьего креста
Светом книги голубиной
Напоить свои уста.

<1915>

* * *

Прощай, родная пуща,
Прости, златой родник.
Плынут и рвутся тучи
О солнечный сошник.

Сияй ты, день погожий,
А я хочу грустить.
За голенищем ножик
Мне больше не носить.

Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать
И радостию звонкой
Лесов не оглашать.

И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.

1916

* * *

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил повода.

Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак.
Чудотворные мощи
Он принес на крылах.

Край ты, край мой, родимый,
Вечный пахарь ивой,
Словно Вольга под ивой,
Ты поник головой.

Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.

Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.

Но незримые дрожди
Все теплей и теплей...
Помяну тебя в дождик
Я, Есенин Сергей.

* * *

Твой глас незримый, как дым в избе.
Смиренным сердцем молюсь тебе.

Овсяным ликом питаю дух,
Помощник жизни и тихий друг.

Рудою солнца посейн свет,
Для вечной правды названья нет.

Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты.

В незримых пашнях растут слова,
Смешалась с думой ковыль-трава.

На крепких сгибах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук.

Есть радость в душах — топтать твой цвет,
На первом снеге свой видеть след.

Но краше кротость и стихший пыл
Склонивших веки пред звоном крыл.

1916

* * *

В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.

Кто-то дерзкий, непокорный,
Позавидовал улыбке.
Вспучил бельма вечер черный,
И луна — как в белой зыбке.

Разыгралась тройка-вьюга,
Брызжет пот, холодный, терпкий,
И плакучая лещуга
Лезет к ветру на закорки.

Смерть в потемках точит бритву...
Вон уж плачет Магдалина.
Помяни мою молитву
Тот, кто ходит по долинам.

<1915>

* * *

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,
Не с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован
От захода на восток.

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

1916

* * *

Тучи с ожереба
Ржут, как сто кобыл.
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.

Небо словно вымя,
Звезды как сосцы.
Пухнет божье имя
В животе овцы.

Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.

Новое восславят
Рождество поля,
И, как пес, пролает
За горой заря.

Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,
Отрекутся люди
Славить новый лик.

Скрежетом булата
Вздыбят пасть земли...
И со щек заката
Спрыгнут скулы-дни.

Побегут, как лани,
В степь иных сторон,
Где вздымает длани
Новый Симеон.

1916

ЛИСИЦА

A. M. Ремизову

На раздробленной ноге приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.

Ей все бластился в колючем дыме выстрел,
Колыхалася в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.

Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.

Желтый хвост упал в метель пожаром,
На губах — как прелая морковь...
Пахло инеем и глиняным угаром,
А в ощур сочилась тихо кровь.

1916

* * *

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в златой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

Заnim, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избрал весь край
И выбрал кличку — Клюев,
Смиренный Миколай.

Монашьи мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Эвенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

<1917>

* * *

Гляну в поле, гляну в небо —
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.

Снова в рощах непасеных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.

О, я верю — знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

<1917>

* * *

То не тучи бродят за овином
И не холод.
Замесила божья матерь сыну
Колоб.

Всякой снадобью она поила жито
В масле.
Испекла и положила тихо
В ясли.

Заигрался в радости младенец,
Пал в дрему,
Уронил он колоб золоченый
На солому.

Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью.

Говорила божья матерь сыну
Советы:
«Ты не плачь, мой лебеденочек,
Не сетуй.

На земле все люди люди,
Чада.

Хоть одну им малую забаву
Надо.

Жутко им меж темных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб —
Месяц».

1916

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

1917

* * *

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженый песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.

Время — мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.

1917

* * *

О матерь божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.

Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.

Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.

Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.

И да взыграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень.

1917

* * *

О пашни, пашни, пашни.
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Как птицы, свищут версты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.

О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исаия
Моих златых коров.

<1917—1918>

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

1917

* * *

Л. И. Кашиной

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чём звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил печальный
Твой предосенний шум.

И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленя.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вдохнувши глубко,
Сказал под звон ветвей:
«Прощай, моя голубка,
До новых журавлей».

<1918>

* * *

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами изв.

1917

* * *

Серебристая дорога,
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам господним
Сам себя я приведу.

<1918>

* * *

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой — мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив златую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

<1918>

* * *

О верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благостную весть.
О верю, верю, счастье есть.

Звени, звени, златая Русь,
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, златая Русь.

Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье.
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

1917

* * *

Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И сбирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не стряхнуть?..
Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холoden ты, живущий,
Как осеннее золото лип».

<1917—1918>

* * *

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, златое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею ряской
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

1918

* * *

Проплясал, проплакал дождь весенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Подымать глаза...

Скучно слушать под небесным древом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил!

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, знать, в томах тяжелых
Прозвенит твой сон.

Кто-то сидет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.

Вскользнёт он Брюсова и Блока,
Встормощнёт других.
Но все так же день взойдёт с востока,
Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа...

Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные уста.

Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат.

Или, Или, лама савахфани,
Отпусти в закат.

<1916—1917>

* * *

О муз, друг мой гибкий,
Ревнивица моя.
Опять под дождик сыпкий
Мы вышли на поля.

Опять весенним гулом
Приветствует нас дол,
Младенцем завернула
Заря луну в подол.

Теперь бы песню ветра
И нежное баю —
За то, что ты окрепла,
За то, что праздник светлый
Влила ты в грудь мою.

Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих
За отческую щедрость
Наставников твэих.

О мед воспоминаний!
О звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане
Разумниковский лик.

Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил.

Теперь мы стали зрелей
И весом тяжелей...
Но не заглушит трелью
Тот праздник соловей.

И этот дождик шалый
Его не смоеет в нас,
Чтоб звон твоей лампады
Под ветром не погас.

1917

* * *

Марсengoфу

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный спрavляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

<1920>

* * *

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилица.
Люблю, когда на деревах
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комегу.

Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорости глазами,
Как эти листья, в глубину.

1919

Сергей Есенин с отцом (слева) и дядей. 1913.

Сергей Есенин с сестрами Катей (слева) и Шурой. 1912.

* * *

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам,
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

1915

* * *

О боже, боже, эта глубь —
Твой голубой живот.
Златое солнышко, как пуп,
Глядит в Каспийский рот.

Крючками звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас
И вершами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз.

Но в малый вентерь рыбаря
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.

Сойди на землю без порток,
Взбурли всю хлябь и водь,
Смолой кипящею восток
Пролей на нашу плоть.

Да опалят уста огня
Людскую страсть и стыд.
Взнеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах скит.

1919

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листвьев целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.

1918

* * *

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь.
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,
Только в скучности чувства греются,
Когда ребра ломает течь.

Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

1918

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклад в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

1915

* * *

Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблён в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость —
Все любя, ничего не желать?

1918

* * *

Ключеву

Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.

И тот, кого ты ждал вночи,
Прошел, как прежде, мимо крова.
О друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

1918

* * *

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.

Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветр,
По-осеннему шепчут листья.

1920

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл — страдания людей!
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как желтый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп — овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

<1921>

ХУЛИГАН

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками листьев,—
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой волы,
Животами, листвой хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человечьих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрежжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого прилушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струйт в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конекрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветр,
Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»,
Я и в песнях, как ты, хулиган.

<1920>

* * *

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я щедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простила
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет!»

<1922>

* * *

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбелъ
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город! ты в схватке жестокой
Окрестили нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу.
Как и ты — я, отсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

1921

* * *

Сторона ль ты моя, сторона!
Дождевое, осеннее олово.
В черной луже продрогший фонарь
Отражает безгубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть хужего.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.

Так немного теплей и безбольней,
Посмотри: меж скелетов домов,
Словно мельник, несет колокольня
Медные мешки колоколов.

Если голоден ты — будешь сытым.
Коль несчастен — то весел и рад.
Только лишь не гляди открыто,
Мой земной неизвестный брат.

Как подумал я — так и сделал,
Но увы! Все одно и то ж!
Видно, слишком привыкло тело
Ощущать эту стужу и дрожь.

Ну, да что же? Ведь много прочих,
Не один я в миру живой!
А фонарь то мигнет, то захочет
Безгубой своей головой.

Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
«Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть».

1921

* * *

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.

Проповняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

1922

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых юлонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скучею стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Прокакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медъ...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло прощество и умереть.

1921

* * *

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я кожу в цилиндре не для женщин —
В глупой страсти сердце жить не в сиle, —
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омуть в сердце мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

1922

* * *

Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулятся,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
«Я такой же, как вы, пропавший,
Мне теперь не уйти назад».

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

1922

* * *

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.

И я сам, опустившись головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвячиной
Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поет и про Чека.

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.

Нет! таких не подмять, не рассеять.
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Рассея моя... Рас...сея...
Азиатская сторона!

<1922>

* * *

Сыпь, гармоника. Скука... Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь так синими брызгами?
Иль в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника. Сыпь, моя частая.
Пей, выдра, пей.
Мне бы лучше вон ту, сисястую,—
Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую...
Немало вас,
Но с такой вот, как ты, со стервою
Лишь в первый раз.

Чем больнее, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертам.

К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая, я плачу,
Прости... прости...

<1922>

* * *

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои в полуокруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь — зараза,
Я не знал, что любовь — чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова,
Молодая красивая дрянь.

Ах, постой. Я ее не ругаю.
Ах, постой. Я ее не кляну,
Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый купол.
В сердце снов золотых сумы.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углах прижимал.

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать.
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь — простыня да кровать.
Наша жизнь — поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их...
Не умру я, мой друг, никогда.

<1922>

* * *

Эта улица мне знакома,
И знаком этот ниэенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накратах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых латах
Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная морщь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмаръ Бухары.

Ах, и я эти страны знаю —
Сам немалый прошел там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом.
Мир тебе — полевая солома,
Мир тебе — деревянный дом!

<1923>

* * *

Годы молодые с забубенной славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли,
Были синие глаза, да теперь поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

Руки вытяну — и вот слушаю на ощупь:
Едем... кони... сани... снег... проезжаем рощу.

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рожден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По такой метели
Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!»
Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.
Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт — вместо бойкой тройки...
Забинтованный лежу на больничной койке.

И заместо лошадей по дороге тряской
Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.
Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты, златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем, твой конец близок ли, далек ли,—
Синие твои глаза в кабаках промокли».

<1924>

ПИСЬМО МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то же:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось,—
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помо~~щь~~ и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

<1924>

* * *

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну,
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервъ!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червъ?

Не больна мне ничья измена,
И не радует легкость побед,—
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие годы,—
Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжко
Ковылять из притона в притон,
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам,
Умиряется бешеный пыл.
Но и все ж отношусь я с поклоном
К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве,—
Шлю привет воробьям, и воронам,
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил,—
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под микутки дубасить рожь».

<1923?>

* * *

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловийный рассвет.

Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Обпечали русскую ширь.

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая, серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошаденка,
Заглядевшись в неласковый пруд.

Это все, что зовем мы родиной,
Это все, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогодиной,
Дожидаясь улыбчивых дней.

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

<1924>

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселье муты,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной,—

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

<1923>

* * *

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь — как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карый омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

* * *

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все.
Как сто тысяч других в России.

1923

* * *

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

1923

* * *

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную выюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глушше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами мечтит,
Что и мы придем к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость лют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную выюгу.

1923

* * *

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

** * *

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет,
Одергимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда из предместья
Я мечтал по-мальчишески — в дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиблет.

И известность моя не хуже,—
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань.

И любовь, не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы как жесть.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть — не беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвестность
И мечтать по-мальчишески — в дым.

Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.

1923

* * *

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храни, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.

Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

1924

ПУШКИНУ

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причаствем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

<1924>

* * *

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда,—
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цвететь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,

И под этим дешевенъким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

<1924>

СУКИН СЫИН

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту же масть, что с отливом в синь,
Слаем ливисто ошелелым
Меня встретил молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробужденный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

<1924>

* * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растряченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

<1924>

* * *

Синий май. Заревая геплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взвалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Сад полышет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю — приди и явись,
Все явись. в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

<1925>

СОБАКЕ КАЧАЛОВА

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставаясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

* * *

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляну.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впитывает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году —

Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь.
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

1925

ПЕСНЯ

Есть одна хорошая песня у соловушки —
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, росла — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.

Как случилось-сталось, сам не понимаю.
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.
В темноте мне кажется — обнимаю милую.

За окном гармоника и сиянье месяца.
Только знаю — милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь — заря вишневая,
Как гитара старая и как песня новая.

С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха —
Все равно любимая отцветет черемухой.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, была — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

1925

* * *

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.

Как прежде ходя на пригородок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плыvущий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчemu краю
Совсем не болеет душой.

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.

Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.

Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звенья поутру,
И мне — чем сгнивать на ветках —
Уж лучше сгореть на ветру.

<1925>

* * *

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором,
Поемотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почуял
Тот, кто вьется в вышине.

Увядаящая сила!
Умирать — так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас —
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

1925

* * *

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильней простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балаханский май.

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.

Май 1925

* * *

Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только нелюбимая.

Эх, береза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблен,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и все ж за эту прыть,
Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.

Июль 1925

* * *

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

* * *

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.

Пусть неровные луга
Обо мне поют крапивой,—
Брызжет полночью дуга,
Колокольчик говорливый.

Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погинуть.

Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие drogi
Полутруп, полускелет.

Ведь недаром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйствский двор
Издыхать всегда приходит.

Ворочусь я в отчий дом —
Жил и нё жил бедный странник...

• • • • •
В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник.

<1925>

* * *

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —
И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

Август 1925

* * *

Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку — чтоб с рыбой невода,
Пахарю — чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить —
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,
На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.

Июль 1925

* * *

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебесясь,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому
Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя расспрашивает сам,

Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.

Ну, и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

Июль 1925

* * *

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.

Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.

Что желать под житейскою ношью,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она васильковыми
Только мне —
Не кому-нибудь —

И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под этою белою лунностью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не ммел
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.

Август 1925

* * *

Гори, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тиши полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлетевших журавлей.

И, голову вздымая выше,
Не то за рощей — за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листвою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.

Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

Август 1925

* * *

Жизнь — обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письмена.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь — обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе».

Хорошо в черемуховой выюге
Думать так, что эта жизнь — стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык,—
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклися,
Кем я жил — забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

Август 1925

* * *

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!
Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?
Не шуми, осина, не пыли, дорога.
Пусть несется песня к милой до порога.

Пусть она услышит, пусть она поплачет.
Ей чужая юность ничего не значит.
Ну, а если значит — проживет не мучась.
Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, песня, звяньше.
Все равно не будет то, что было раньше.
За былую силу, гордость и осанку
Только и осталась песня под тальянку.

Сентябрь 1925

* * *

Сестре Шуре

Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде —
Повторяешь ты юность мою.

Ты — мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?

Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село,
Только знаю — багряной метелью
Нам листвы на крыльца намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгиблей невесте,
Тихо воет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

Сентябрь 1925

* * *

Сестре Шуре

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть никогда.
Сердцу снится душистый горошок,
И звенит голубая звезда.

Наяву ли, в бреду иль спросонок,
Только помню с далекого дня —
На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня.

Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок.

Все прошло. Потерял я бабку,
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А ее износил наш дед.

Сентябрь 1925

* * *

Сестре Шуре

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь —
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лиши немногого глаза прикрою —
Вижу вновь дорогие черты.

Ты мне пой. Ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.

Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.

Потому так и сердцу не жестко —
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

Сентябрь 1925

* * *

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.

В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.

Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.

Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь —
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

Сентябрь 1925

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

* * *

Улеглась моя былая рана —
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоем саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжалальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень,
Все равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

1924

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Сергей Есенин. 1914.

Сергей Есенин. 1914—1915.

Рязанская земля.

* * *

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

19 декабря 1924

* * *

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни прося я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляну,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не взыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

1924

* * *

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке
Осеняет своя благодать.

Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

1924

* * *

Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,
Садом — в цветенье диком,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелест —
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся пери,
Тихий, как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

<1925>

* * *

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травою.
Ты же, путник, мертвым не внемли,
Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помирись лишь в сердце со врагом --
И тебя блаженством ошафранит.

Жить — так жить, любить — так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым поклоняться,
То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада,—
Так вторично скажет листвьев медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.

<1925>

* * *

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? —
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

<1925>

* * *

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью простыи,
Позабыть о ласковом урусе
И глазах, задумчиво простых,
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе —
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

Март 1925

* * *

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом — значит петь раздолье,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет — ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ложе,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо».

Август 1925

* * *

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что — для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

Август 1925

* * *

«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана», —

Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завысив.

«Отчего луна так светит грустно?» —
У цветов спросил я в тихой чащѣ,
И цветы сказали: «Ты почувствуи
По печали розы шелестящей».

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала.

Говорила: «Русский не заметит...
Сердцу — песнь, а песне — жизнь и тело...»
Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет.

• • • • •
Но и все ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

Август 1925

* * *

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участья...
Глупое сердце, не бейся.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склоняясь на шальвары,
Я под чадрою укроюсь.
Глупое сердце, не бейся.

Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бейся.

Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло

Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.

Август 1925

* * *

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря,тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —
Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря,тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты — ребенок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря,тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе — ты и я —
За такие милые края.
Ветер с моря,тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню продана,
Но за Гелию в тенях ветвей
Обнимает розу соловей.

* * *

Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая
В далеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вперекор этой ночи,—
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложишь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку,—
Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка,
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

1925

* * *

Снежная замять дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли нужно нам.
То, что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезятся,
Тихо, безмолвно, как будто без мук.
Хочет за чайную чашку взяться —
Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись,
Слушай — под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел, и много я странствовал,
Много любил я и много страдал,
И оттого хулиганил и пьянствовал,
Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший удел.

А за окном под метельные всхлипы,
В диком и шумном метельном чаду,
Кажется мне — осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду.

1925

* * *

Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле затеряться.

Ветерок веселый робок и вастенчив,
По равнине голой катится бубенчик.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой булавный!
Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим — что такое?
И станцуем вместе под тальянку трое.

Октябрь 1925

* * *

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

Октябрь 1925

* * *

Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?

Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.

Октябрь 1925

* * *

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

Октябрь 1925

* * *

Не криви улыбку, руки теребя,
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.

Октябрь 1925

* * *

Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне?
Уж давно глаза мои остыли
На любви, на картах и вине.

Ах, луна влезает через раму,
Свет такой, хоть выколи глаза...
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

Октябрь 1925

* * *

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихою болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я отчий кров.

Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник гонимый,—
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабку,
Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей,—
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал
И, улыбаясь, душой погас,—
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

* * *

Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного шума.
В первый раз я в себе заметил —
Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая сырость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне все равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.

Взглянет ли женщина с тихой улыбкой —
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка ль проскачет дорогой зыбкой —
Я уже в ней и скачу далече.

О, мое счастье и все удачи!
Счастье людское землей любимо.
Тот, кто хоть раз на земле заплачет,—
Значит, удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.

1925

* * *

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец — крестьянин,
Ну, а я — крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленьюкую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трин-травой.

1925

* * *

Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо,—
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.

Не все ль равно — придет другой,
Печаль ушедшего не сложет,
Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит сбо мне
Как о цветке неповторимом.

Октябрь 1925

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а вовсю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

28 ноября 1925

* * *

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело,—
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синий
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Сергей Есенин. 1916.

Сергей Есенин и Николай Клюев. 1916.

Ока у Константинова.

Что от любили мы давно,
Ты не меня, а я — другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую.

Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

* * *

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распостертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоем снится другая,
У которой глаза — голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.

Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

1 декабря 1925

* * *

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млещешь,
Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспыльчивая связь,—
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдясь.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вдвоем.

Отвернув к другому ближе плечи
И немножко наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь,—
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

* * *

Может, поздно, может, слишком рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветреный поэт.

Что случилось? Что со мною стало?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жалость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых.
Что ж ищу в очах я этих женщин —
Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье.
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

На душе — лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь туман,—
За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан!

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то же —
Чтить метель за синий цветень мая,
Эвать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною сталося,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,
Не смиряясь с горечью измен.

13 декабря 1925

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова:
Не грусти и не печаль бровей,—
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

1925

Стихотворения
1916-1925,

не включенные С. А. Есениным
в основное собрание

* * *

Вечер, как сажа,
Льется в окно.
Белая пряжа
Ткет полотно.

Пляшет гасница,
Прыгает тень.
В окна стучится
Старый плетень.

Липнег к окошку
Черная гать.
Девочку-крошку
Байкает мать.

Взрыкает зыбка
Сонный тропарь:
«Спи, моя рыбка,
Спи, не гутарь».

<1916>

* * *

Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца ярого.
Высоко над луговинами
По востоку пышет зарево.

Пеной рос заря туманится,
Словно глубь очей невестиных.
Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных.

На березки в роще теневой
Серьги звонкие повесила
И с рассветом в сад сиреневый
Мотыльком порхнула весело.

<1916>

* * *

По лесу леший кричит на сову.
Прячутся мошки от птичек в траву.

Ay!

Спит медведиха, и чудится ей:
Колет охотник острогой детей.

Ay!

Плачет она и трясет головой:
— Детушки-дети, идите домой.

Ay!

Звонкое эхо кричит в синеву:
— Эй ты, откликнись, кого я зову!

Ay!

<1916>

* * *

За рекой горят огни,
Погорают мох и пни.
Ой, купало, ой, купало,
Погорают мох и пни.

Плачет леший у сосны —
Жалко летошней весны.
Ой, купало, ой, купало,
Жалко летошней весны.

А у наших у ворот
Пляшет девок корогод.
Ой, купало, ой, купало,
Пляшет девок корогод.

Кому горе, кому грех,
А нам радость, а нам смех.
Ой, купало, ой, купало,
А нам радость, а нам смех.

<1916>

МОЛОТЬБА

Вышел зáраня дед
На гумно молотить:
«Выходи-ка, сосед,
Старику подсобить».

Положили гурьбой
Золотые снопы.
На гумне вперебой
Зазвенели цепы.

И ворочает дед
Немолоченый край:
«Постучи-ка, сосед,
Выбивай коровай».

И под сильной рукой
Вылетает зерно.
Тут и солод с мукой,
И на свадьбу вино.

За тяжелой сохой
Эта доля дана.
Тучен колос сухой —
Будет брага хмельна.

<1916>

* * *

Скупались звезды в невидимом бреде.
Жутко и страшно проснувшейся бредне.
Пьяно кружуся я в роще помятой,
Хочется звезды рукою помяти.
Блестятся гусли веселого лада,
В озере пенистом моется лада.
Груди упруги, как сочные дули,
Ластится к вихрям, чтоб в кости ей дули.
Тает, как радуга, зорька вечерня,
С тихою радостью в сердце вечерня.

<1916>

* * *

Не в моего ты бога верила,
Россия, родина моя!
Ты как колдунья дали мерила,
И был как пасынок твой я.
Боец забыл отвагу смелую,
Пророк одрях и стал слепой.
О, дай мне руку охладелую —
Иди единою тропой.
Пойдем, пойдем, царевна сонная,
К веселой вере и одной,
Где светит радость испоконная
Неопалимой купиной.
Не клонь главы на грудь могутную
И не пугайся веющим сном.
О, будь мне матерью напутною
В моем паденье роковом.

<1916>

* * *

Закружилась пряжа снежистого льна,
Панихидный вихорь плачет у окна.
Замело дорогу выжным рукавом,
С этой панихидой век свой весь живем.
Пойте и рыдайте ветры на тропу,
Нечем нам на помин заплатить попу.
Слушай мое сердце, бедный человек,
Нам за гробом грусти не слыхать вовек.
Как помрем без пенья под ветряный звон,
Понесут нас в церковь на мирской канон.
Некому поплакать, некому кадить,
Есть ли им охота даром приходить.
Только ветер резвый, озорник такой,
Запоет разлуку вместо упокой.

<1916>

НИЩИЙ С ПАПЕРТИ

Глаза — как выцветший лопух,
В руках зажатые монеты.
Когда-то славный был пастух,
Теперь поет про многи лета.
А вон старушка из угла,
Что слезы льет перед иконой,
Она любовь его была
И пьяный сон в меже зеленої.
На свитках лет сухая пыль.
Былого нет в заре куканьшей.
И лишь обгрызанный костыль
В его руках звенит, как раньше.
Она чужда ему теперь,
Забыла звонную жалейку.
И как пойдет, спеша, за дверь,
Подаст в ладонь ему копейку.
Он не посмотрит ей в глаза,
При встрече глаз больнее станет,
Но, покрестясь на образа,
Рабу по имени помянет.

<1916>

* * *

Месяц рогом облако бодает,
В голубой купается пыли.
В эту ночь никто не отгадает,
Отчего кричали журавли.
В эту ночь к зеленому затону
Прибегла она из тростника.
Золотые космы по хитону
Разметала белая рука.
Прибегла, в ручей взглянула прыткий,
Опустилась с болью на пенек.
И в глазах завяли маргаритки,
Как болотный гаснет огонек.
На рассвете с выющимся туманом
Уплыла и скрылася вдали...
И кивал ей месяц за курганом,
В голубой купаяся пыли.

<1916>

* * *

Еще не высох дождь вчерашний —
В траве зеленая вода!
Тоскуют брошенные пашни,
И вянет, вянет лебеда.

Брожу по улицам и лужам,
Осенний день пуглив и дик.
И в каждом встретившемся муже
Хочу постичь твой милый лик.

Ты все загадочней и краше
Глядишь в неясные края.
О, для тебя лишь счастье наше
И дружба верная моя.

И если смерть по божьей воле
Смежит глаза твои рукой,
Клянусь, что тенью в чистом поле
Пойду за смертью и тобой.

<1916>

* * *

В зеленой церкви за горой,
Где вербы четки уронили,
Я поминаю просфорой
Младой весны младые были.

А ты, склонившаяся ниц,
Передо мной стоишь незримо,
Шелка опущенных ресниц
Колышут крылья херувима.

Не омрачен твой белый рок
Твоей застывшую порою,
Все тот же розовый платок
Застегнут смуглую рукою.

Все тот же вздох упруго жмет
Твои надломленные плечи
О том, кто за морем живет
И кто от родины далече.

И все тягуче память дня
Перед пристойным лицом жизни.
О, помолись и за меня,
За бесприютного в отчизне!

<1916>

* * *

Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер за куканом
Расстелил кудрявый бредень.

Под окном от скользких ветел
Перепельи звоны ветра.
Тихий сумрак, ангел теплый,
Напоен нездешним светом.

Сон избы легко и ровно
Хлебным духом сеет притчи.
На сухой соломе в дровнях
Слаще меда пот мужичий.

Чей-то мягкий лик за лесом,
Пахнет вишнями и мохом...
Друг, товарищ и ровесник,
Помолись коровьим вздохам.

Июнь 1916

* * *

Небо сметаной обмазано,
Месяц как сырный кусок.
Только не с пищею связано
Сердце, больной уголок.

Хочется есть, да не этого,
Что так шуршит на зубу.
Жду я веселого, светлого,
Как молодую судьбу.

Жгуче желания множат
Душу больную мою,
Но и на гроб мне положат
С квасом крутую кутью.

9 июля 1916

ИСУС-МЛАДЕНЕЦ

Собрала пречистая
Журавлей с синицами
В храме.

«Пойте, веселитесь
И за всех молитеся
С нами!»

Молятся с поклонами,
За судьбу греховную,
За нашу;

А маленький боженька,
Подобравши ноженки,
Ест кашу.

Подошла синица,
Бедовая птица,
Попросила:

«Я тебе, боженька,
Притомив ноженки,
Молилась».

Журавль и скажи враз:
«Тебе и кормить нас,
Коль создал».

А боженька наш
Поделил им кашу
И отдал.

В золоченой хате
Смотрит божья мати
В небо.

А сыночек маленький
Просит на завалинке
Хлеба.

Позвала пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

«Приносите, птицы,
Хлеба и пшеницы
Немало».

Замешкались птицы,
Журавли, синицы,
Дождь прочат.

А боженька в хате
Все теребит мати,
Есть хочет.

Вышла богородица
В поле, за околицу,
Кличет.

Только ветер по полю,
Словно кони, топает,
Свищет.

Боженька, маленький,
Плакал на завалинке
От горя.

Плакал, обливаясь...
Прилетал тут аист
Белоперый.

Взял он осторожненько
Красным клювом боженьку,
Умчался.

И господь на елочке,
В аистовом гнездышке,
Качался.

Вороchалась к хате
Пречистая мати,
Сына нету.

Собрала котомку
И пошла сторонкой
По свету.

Шла, несла немало,
Наконец сыскала
В лесочке:

На спине катается
У белого аиста
Сыночек.

Позвала пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

«На вечное время
Собирайте семя
Немало.

А белому аисту,
Что с богом катается
Меж веток,

Носить на завалинки
Синеглазых маленьких
Деток».

<1916>

* * *

Без шапки, с лыковой котомкой,
Стирая пот свой, как елей,
Бреду дубравною сторонкой
Под тихий шелест тополей.

Иду, застегнутый веревкой,
Сажусь под копны на лужок.
На мне дырявая подевка,
А поводырь мой — подожок.

Пою я стих о светлом рае,
Довольный мыслью, что живу,
И крохи сочные бросаю
Лесным камашкам на траву.

По лопуху промяты стежки,
Вдали озерный купорос,
Цепляюсь в клейкие сережки
Обвисших до земли берез.

И по кустам межи соседней,
Под возглашенья гулких сов,
Внимаю, словно за обедней,
Молебну птичьих голосов.

<1916>

МЕЧТА

(Из книги «Стихи о любви»)

1

В темной роще на зеленых елях
Золотятся листья вялых ив.
Выхожу я на высокий берег,
Где покойно плещется залив.
Две луны, рога свои качая,
Замутили желтым дымом зыбь.
Гладь озер с травой не различая,
Тихо плачет на болоте выпь.
В этом голосе обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.
Много лет я не был здесь и много
Встреч веселых видел и разлук,
Но всегда хранил в себе я строго
Нежный сгиб твоих туманных рук.

2

Тихий отрок, чувствующий кротко,
Голубей целующий в уста,—
Тонкий стан с медлительной походкой
Я любил в тебе, моя мечта.

Я бродил по городам и селам,
Я искал тебя, где ты живешь,
И со смехом, резвым и веселым,
Часто ты меня манила в рожь.
За оградой монастырской кроясь,
Я вошел однажды в белый храм:
Синею водою солнце моясь,
Свой оарпь мне кинуло к ногам.
Я стоял, как инок, в блеске алом,
Вдруг сдавила горло тишина...
Ты вошла под черным покрывалом
И, почикинув, стала у окна.

3

С паперти под колокол гудящий
Ты сходила в благовонье свеч.
И не мог я, ласково дрожащий,
Не коснуться рук твоих и плеч.
Я хотел сказать тебе так много,
Что томило душу с ранних пор,
Но дымилась тихая дорога
В незакатном полыме озер.
Ты взглянула тихо на долины,
Где в траве ползла кудряво мгла...
И упали редкие седины
С твоего увядшего чела...
Чуть бледнели складки от одежды,
И, казалось, в русле темных вод,—
Уходя, жевал мои надежды
Твой беззубый, шамкающий рот.

4

Но недолго душу холод мучил.
Как крыло, прильнув к ее ногам,
Новый короб чувства я навьючил
И пошел по новым берегам.

Безо шва стянулась в сердце рана,
Страсть погасла, и любовь прошла.
Но опять пришла ты из тумана
И была красива и светла.
Ты шепнула, заслоняясь рукою:
«Посмотри же, как я молода.
Это жизнь тебя пугала мною,
Я же вся как воздух и вода».
В голосах обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.

<1916>

* * *

День ушел, убавилась черта,
Я опять подвинулся к уходу.
Легким взмахом белого перста
Тайны лет я разрезаю воду.

В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьется пена,
И кладет печать немого плена
Складку новую у сморщенной губы.

С каждым днем я становлюсь чужим
И себе, и жизнь кому велела.
Где-то в поле чистом, у межи,
Оторвал я тень свою от тела.

Неодетая она ушла,
Взяв мои изогнутые плечи.
Где-нибудь она теперь далече
И другого нежно обняла.

Может быть, склоняясь к нему,
Про меня она совсем забыла
И, вперившись в призрачную тьму,
Складки губ и рта переменила.

Но живет по звуку прежних лет,
Что, как эхо, бродит за горами.
Я целую синими губами
Черной тенью тиснутый портрет.

<1916>

* * *

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше
Обоймленные синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит,
Только гордые в силе живут.
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырьем хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю,
Будет злобно крутить порошà.
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развязет,
Примостится со мной у огня.
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.

<1916>

* * *

Синее небо, цветная дуга,
Тихо степные бегут берега,
Тянется дым, у малиновых сел
Свадьба ворон облегла частокол.

Снова я вижу знакомый обрыв
С красною глиной и сучьями ив,
Грезит над озером рыжий овес,
Пахнет ромашкой и медом от ос.

Край мой! Любимая Русь и Мордва!
Притчею мглы ты, как прежде, жива.
Нежно под трепетом ангельских крыл
Звонят кресты безымянных могил.

Многих ты, родина, лицом своим
Жгла и томила по шахтам сырым.
Много мечтает их, сильных и злых,
Выкусить ягоды персей твоих.

Только я верю: не выжить тому,
Кто разлюбил твой острог и тюрьму...
Вечная правда и гомон лесов
Радуют душу под звон кандалов.

<1916>

* * *

Снег, словно мед ноздреватый,
Лег под прямой частокол.
Лижет теленок горбатый
Вечера красный подол.

Тихо от хлебного духа
Снится кому-то апрель.
Кашляет бабка-старуха,
Грудью склоняясь на кудель.

Рыжеволосый внучонок
Шупает в книжке листы.
Стан его гибок и тонок,
Руки белей бересты.

Выпала бабке удача,
Только одно невдомек:
Плохо решает задачи
Выпитый ветром умок.

С глазу ль, с немилого ль взора
Часто она под удой
Поит его с наговором
Преполовенской водой.

И за глухие поклоны
С лица упавших седин
Пишет им числа с иконы
Божий слуга — Дамаскин.

<1917>

ЛЕБЕДУШКА

Из-за леса, леса темного,
Подымалась красна зорюшка,
Рассыпала ясной радугой
Огоньки-лучи багровые.

Загорались ярким пламенем
Сосны старые, могучие,
Наряжали сетки хвойные
В покрывала златотканые.

А кругом роса жемчужная
Отливалась блестки алые,
И над озером серебряным
Камыши, склонясь, шепталися.

В это утро вместе с солнышком
Уж из тех ли темных зарослей
Выплывала, словно зоренька,
Белоснежная лебедушка.

Позади ватагой стройною
Подвигались лебежатушки,
И дробилась гладь зеркальная
На колечки изумрудные.

И от той ли тихой заводи,
Посередь того ли озера,
Пролегла струя далекая
Лентой темной и широкою.

Уплыvalа лебедь белая
По ту сторону раздольную,
Где к затону молчаливому
Прилегла трава шелковая.

У побережья зеленого,
Наклонив головки нежные,
Перешептывались лилии
С ручейками тихозвонными.

Как и стала звать лебедушка
Своих малых лебежатушек
Погулять на луг пестреющий,
Пощипать траву душистую.

Выходили лебежатушки
Теребить траву-муравушку,
И росинки серебристые,
Словно жемчуг, осипалися.

А кругом цветы лазоревы
Распускали волны пряные
И, как гости чужедальние,
Улыбались дню веселому.

И гуляли детки малые
По раздолью по широкому,
А лебедка белоснежная,
Не спуская глаз, дозорила.

Пролетал ли коршун рощею,
Иль змея ползла равниною,
Гоготала лебедь белая,
Созывая малых детушек.

Хоронились лебежатушки
Под крыло ли материнское,
И когда гроза скрывалася,
Снова бегали-резвились.

Но не чуяла лебедушка,
Не видала оком доблестным,
Что от солнца золотистого
Надвигалась туча черная —

Молодой орел под облаком
Расправлял крыло могучее
И бросал глазами молнии
На равнину бесконечную.

Видел он у леса темного,
На пригорке у расщелины,
Как змея на солнце выползла
И свилась в колечко, грелася.

И хотел орел со злобою
Как стрела на землю кинуться,
Но змея его заметила
И под кочку притаилася.

Взмахом крыл своих под облаком
Он расправил когти острые
И, добычу поджидаючи,
Замер в воздухе распластанный.

Но глаза его орлиные
Разглядели степь далекую,
И у озера широкого
Он увидел лебедь белую.

Грозный взмах крыла могучего
Отогнал седое облако,
И орел, как точка черная,
Стал к земле спускаться кольцами.

В это время лебедь белая
Оглянула гладь зеркальную
И на небе отражавшемся
Увидела крылья длинные.

Встрепенулася лебедушка,
Закричала лебежатушкам
Собралися детки малые
И под крылья схоронилися.

А орел, взмахнувши крыльями,
Как стрела на землю кинулся,
И впилися когти острые
Прямо в шею лебединую.

Распустила крылья белые
Белоснежная лебедушка
И ногами помертвельми
Оттолкнула малых детушек.

Побежали детки к озеру,
Понеслись в густые заросли,
А из глаз родимой матери
Покатились слезы горькие.

А орел когтями острыми
Раздирал ей тело нежное,
И летели перья белые,
Словно брызги, во все стороны.

Колыхалось тихо озеро,
Камыши, склонясь, шепталися,
А под кочками зелеными
Хоронились лебежатушки.

<1917>

* * *

К теплому свету, на отчий порог,
Тянет меня твой задумчивый вздох.

Ждут на крылечке там бабка и дед
Резвого внука подсолнечных лет.

Строен и бел, как березка, их внук,
С медом волосьев и бархатом рук.

Только, о друг, по глазам голубым —
Жизнь его в мире пригрезилась им.

Шлет им лучистую радость во мглу
Светлая дева в иконном углу.

С тихой улыбкой на тонких губах
Держит их внука она на руках.

<1917>

* * *

Есть светлая радость под сенью кустов
Поплакать о прошлом родных берегов
И, первую проседь лаская на лбу,
С приятною болью пенять на судьбу.
Ни друга, ни думы о бабьих губах
Не зреет в ее тихомудрых словах,
Но есть в ней, как вера, живая мечта
К незримому свету приблизить уста.
Мы любим в ней вечер, над речкой овес,—
И отроков резвых с медынью волос.
Стряхая с бровей своих призрачный дым,
Нам сладко о тайнах рассказывать им.
Есть нежная кротость, присев на порог.
Молиться закату и лицу дорог.
В обсыпанных рощах, на сжатых полях
Грустит наша дума об отрочьих днях.
За отчею сказкой, за звоном стропил
Несет ее шорох неведомых крыл...
Но крепко в равнинах ковыльных лугов
Покоится правда родительских снов.

<1917>

* * *

Не от холода рябинушка дрожит,
Не от ветра море синее кипит.

Напоили землю радостью снега,
Сиятся деду иорданские брега.

Видит в долах он озера да кусты,
Чрез озера перекинуты мосты.

Как по мостику, кудряв и желторус,
Бродит отрок, сын Иосифа, Иисус.

От восхода до заката в хмаре вод
Кличет утиц он и рыбешек зовет:

«Вы сходитесь ко мне, твари, за корму,
Научите меня разуму-уму».

Как по бережку, меж вымоин и гор,
Тихо льется их беседа-разговор.

Мелка рыбешка, сплеснувшись на песок,
Подает ли свой подводный голосок:

«Уж ты, чадо, мило дитятко, Христос,
Мы пришли к тебе с поклоном на допрос.

Ты иди учись в пустынях да лесах;
Наша тайна отразилась в небесах».

<1917>

* * *

Заря над полем — как красный тын.
Плывет на тучке превечный сын.

Вот вышла бабка кормить цыплят.
Горит на небе святой оклад.

— Здорово, внучек!
— Здорово, свет!
— Зайди в избушку.
— А дома ль дед?

— Он чинит невод ловить ершей.
— А много ль деду от роду дней?

— Уж скоро девять десятков зим.—
И вспорхнул внучек, как белый дым.

С душою деда поплыл в туман,
Где зреет полдень незримых стран.

<1917>

* * *

Небо ли такое белое
Или солью выцвела вода?
Ты поешь, и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.

Синим жерновом развеяны и смолоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опоясали твою тоску.

Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Все равно — Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит.
Подпевает тебе жалоба
Об изгибах тамошних ракит.

Так и хочется под песню свеситься
Над водою, слихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень.

1917

РАЗБОЙНИК

Стухнут звезды, стухнет месяц,
Стихнет песня соловья,
В чернобылье перелесиц
С кистенем засяду я.

У реки под косогором
Не бросай, рыбак, блесну,
По дороге темным бором
Не считай, купец, казну!

Руки цепки, руки хватки,
Не зазря зовусь ухват:
Загребу парчу и кадки,
Золотой сниму халат.

В темной роще заряница
Чешет елью прядь волос;
Выручай меня, ножница:
Раздается стук колес.

Не дознаться глупым людям,
Где копил — хранил деньги;
Захочет — так все добудем
Темной ночью, на лугу!

<1917>

* * *

Свищет ветер под крутым забором,
Прячется в траву.
Знаю я, что пьяница и вором
Век свой доживу.
Тонет день за красными холмами,
Кличет на межу.
Не один я в этом свете шаяюсь,
Не один брожу.
Размахнулось поле русских пашен,
То трава, то снег,
Все равно, автвин я иль чувашин,
Крест мой как у всех.
Верю я, как ликам чудотворным,
В мой потайный час.
Он придет бродягой подзаборным,
Нерушимый Спас.
Но, быть может, в синих клочьях дыма
Тайноводных рек
Я пройду его с улыбкой пьяной мимо,
Не узнав навек.
Не блеснет слеза в моих ресницах,
Не вспугнет мечту.
Только радость синей голубицей
Канет в темноту.
И опять, как раньше, с дикой злостью
Запоет тоска...
Пусть хоть ветер на моем погосте
Пляшет трепака.

<1917>

О РОДИНА!

О родина, о новый
С златою крышей кров,
Труби, мычи коровой,
Реви телком громов.

Брожу по синим селам,
Такая благодать,
Отчаянный, веселый,
Но весь в тебя я, мать.

В училище разгула
Крепил я плоть и ум.
С березового гула
Растет твой вешний шум.

Люблю твои пороки,
И пьянство, и разбой,
И утром на востоке
Терять себя звездой.

И всю тебя, как знаю,
Хочу измять и взять,
И горько проклинаю
За то, что ты мне мать.

<1917>

* * *

Пушистый звон и руга,
И камень под крестом.
Стегает злая выюга
Расщелканным кнутом.

Шаманит лес-кудесник
Про черную судьбу.
Лежиши ты, мой ровесник,
В нетесаном гробу.

Пусть снова финский ножик
Кровавит свой клинок,
Тебя не потревожит
Ни пеший, ни ездок.

И только с перелесиц
Сквозь облачный тулуп
Слезу обронит месяц
На мой завъялый труп.

<1918>

КОРОЛЕВА

Пряный вечер. Гаснут зори.
По траве ползет туман.
У плетня на косогоре
Забелел твой сарафан.

В чарах звездного напева
Обомлели тополя.
Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля.

Коромыслом серп двурогий
Плавно по небу скользит.
Там, за рощей, по дороге
Раздается звон копыт.

Скачет всадник загорелый,
Крепко держит повода.
Увезет тебя он смело
В чужедальни города.

Пряный вечер. Гаснут зори.
Сышен четкий храп коня.
Ах, постой на косогоре
Королевой у плетня.

<1918>

СЕЛЬСКИЙ ЧАСОСЛОВ

Вл. Чернявскому

1

О солнце, солнце,
Золотое, опущенное в мир ведро,
Зачерпни мою душу!
Вынь из кладезя мук
Страны моей.

Каждый день,
Ухватившись за цепь лучей твоих,
Карабкаюсь я в небо.
Каждый вечер
Срываюсь и падаю в пасть заката.

Тяжко и горько мне...
Кровью поют уста...
Снеги, белые снеги —
Покров моей родины —
Рвут на части.
На кресте висит
Ее тело,
Голени дорог и холмов
Перебиты...

Волком воет от запада
Ветер...
Ночь, как ворон,

Точит клюв на глаза-озера.
И доскою надкрестною
Прибита к горе заря:

ИСУС НАЗАРЯНИН
ЦАРЬ
ИУДЕЙСКИЙ

2

О месяц, месяц!
Рыжая шапка моего деда,
Закинутая озорным внуком на сук облака,
Спади на землю...
Прикрой глаза мои!

Где ты...
Где моя родина?

Лыками содрала твои дороги
Буря,
Синим языком вылизал снег твой —
Твою белую шерсть —
Ветер...

И лежишь ты, как овца,
Дрыгая ногами в небо,
Путая небо с яслями,
Путая звезды
С овсом золотистым.

О, путай, путай!
Путай все, что видишь...
Не отрекусь принять тебя даже с солнцем,
Похожим на свинью...
Не испугаюсь просунутого пятака его
В частокол
Души моей.

Тайна твоя велика есть.
Гибель твоя миру купель
Предвечная.

3

О красная вечерняя заря!
Прости мне крик мой.
Прости, что спутал я твою Медведицу
С черпаком водовоза...

Пастухи пустыни —
Что мы знаем?..
Только ведь приходское училище
Я кончил,
Только знаю библию да сказки,
Только знаю, что поет овес при ветре...
Да еще
По праздникам
Играть в гармошку.

Но постиг я...
Верю, что погибнуть лучше,
Чем остаться
С содранною
Кожей.

Гибни, край мой!

Гибни, Русь моя,
Начертательница
Третьего
Завета.

4

О звезды, звезды,
Восковые тонкие свечи,
Капающие красным воском
На молитвенник зари,
Склонитесь ниже!

Нагните пламя свое,
Чтобы мог я,
Привстав на цыпочки,
Погасить его.

Он не понял, кто зажег вас,
О какой я пропел вам
Смерти.

Радуйся,
Земля!

Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она...

Имя ему —
Израмистил.

Пой и шуми, Волга!
В синие ясли твои опрокинет она
Младенца.

Не говорите мне,
Что это
В полном круге
Будет всходить
Луна...

Это он!
Это он
Из чрева неба
Будет высовывать
Голову...

<1918>

* * *

И небо и земля все те же,
Все в те же воды я гляжуясь,
Но вздох твой ледовитый реже,
Ложноклассическая Русь.

Не огражу мой тихий кров
От радости над умираньем,
Но жаль мне, жаль отдать страданью
Езекиильский глас ветров.

Шуми, шуми, реви сильней,
Свирепствуй, океан мятежный,
И в солнца золотые мрежи
Сгоняй сребристых окуней.

<1918>

* * *

Не стану никакую
Я девушку ласкать.
Ах, лишь одну люблю я,
Забыв любовь земную,
На небе божью мать.

В себе я мыслить волен.
В душе поет весна.
Ах, часто в келье темной
Я звал ее с иконы
К себе на ложе сна.

И в час, как полночь было,
В веселый ночи мрак
Она как тень сходила
И в рот сосцы струила
Младенцу на руках.

И, сев со мною рядом,
Она шептала мне:
«Смирись, моя услада,
Мы встретимся у сада
В небесной стороне».

<1918>

КАНТАТА

Спите, любимые братья.
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

<1918>

* * *

Заметает пурга
Белый путь.
Хочет в мягких снегах
Потонуть.

Ветер резвый уснул
На пути;
Ни проехать в лесу,
Ни пройти.

Забежала коляда
На село,
В руки белые взяла
Помело.

Гей вы, нелюди-люди,
Народ,
Выходите с дороги
Вперед!

Испугалась пурга
На снегах,
Побежала скорей
На луга.

Ветер тоже спросонок
Вскочил
Да и шапку с кудрей
Уронил.

Утром ворон к березоньке
Стук...
И повесил ту шапку
На сук.

<1918>

* * *

Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.

Я хочу под гудок пастущий
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики звездные в уши
Насыпает вечерний снег.

Хороша бестуманная трель его,
Когда топит он боль в пурге.
Я хотел бы стоять, как дерево,
При дороге на одной ноге.

Я хотел бы под конские храпы
Обниматься с соседним кустом.
Подымайте ж вы, лунные лапы,
Мою грусть в небеса ведром.

<1919>

ПРОЩАНИЕ С МАРИЕНГОФОМ

Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорога буйных чувств —
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.

Возлюбленный мой! дай мне руки —
Я по-иному не привык,—
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.

Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли,
В который миг, в который раз —
Опять, как молоко, застыли
Круги недвижущихся глаз.

Прощай, прощай. В пожарах лунных
Даждусь ли радостного дня?
Среди прославленных и юных
Ты был всех лучше для меня.

В такой-то срок, в таком-то годе
Мы встретимся, быть может, вновь...
Мне страшно,— ведь душа проходит,
Как молодость и как любовь.

Другой в тебе меня заглушит.
Не потому ли — в лад речам —
Мои рыдающие уши,
Как весла, плещут по плечам?

Прощай, прощай. В пожарах лунных
Не зреть мне радостного дня,
Но все ж средь трепетных и юных
Ты был всех лучше для меня.

<1922>

ПАПИРОСНИКИ

Улицы печальные,
Сугробы да мороз.
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.
Грязных улиц странники
В забаве злой игры,
Все они — карманники,
Веселые воры.
Тех площадь — на Никитской,
А этих — на Тверской.
Стоят с тоскливым свистом
Они там день-деньской.
Снуют по всем притонам
И, улучив досуг,
Читают Пинкертона
За кружкой пива вслуш.
Пускай от пива горько,
Они без пива — вдрызг.
Все бредят Нью-Йорком,
Всех тянет в Сан-Франциск.
Потом опять печально
Выходят на мороз
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.

<1923>

* * *

Грубым дается радость.
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна.
В сердце тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.

А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтою силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов. Я робкий.
Глянь на бутылок рать!
Я собираю пробки —
Душу мою затыкать.

<1923?>

* * *

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,
Душа спросонок хрюпло пела,
Не понимая праздник наш.

Но ты видением поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом,
Что в той стране, где власть Советов,
Не пишут старым языком.

И, разбиная опыт смелый,
Меня насмешке не предашь,—
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.

</1924>

* * *

Цветы на подоконнике,
Цветы, цветы.
Играют на гармонике,
Ведь слышишь ты?
Играют на гармонике,
Ну что же в том?
Мне нравятся две родинки
На лбу крутом.
Ведь ты такая нежная,
А я так груб.
Целую так небрежно
Калину губ.
Куда ты рвешься, шалая?
Побудь, побудь...
Постой, душа усталая,
Забудь, забудь.

Она такая дурочка,
Как те и та...
Вот потому Снегурочка
Всегда мечта.

<1924>

ПАМЯТИ БРЮСОВА

Мы умираем,
Сходим в тиши и грусть,
Но знаю я —
Нас не забудет Русь.

Любили девушек,
Любили женщин мы —
И ели хлеб
Из нищенской сумы.

Но не любили мы
Продажных торгашей.
Планета, милая,—
Катись, гуляй и пей.

Мы рифмы старые
Раз сорок повторим.
Пускать сумеем
Гоголя и дым.

Но все же были мы
Всегда одни.
Мой милый друг,
Не сетуй, не кляни!

Вот умер Брюсов,
Но помрем и мы,—
Не выпросить нам дней
Из нищенской сумы.

Но крепко вцепались
Мы в нищую суму.
Валерий Якlevич!
Мир праху твоему!

<1924>

ЦВЕТЫ

I

Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.

Любимые! Ну что ж, ну что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

II

Весенний вечер. Синий час.
Ну как же не любить мне вас,
Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на «ты».

Шуми левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда.
Шуми левкой и резеда.

III

Ах, колокольчик! твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил

И рассказал, что васильки
Очей любимых далеки.

Не пой! не пой мне! Пощади.
И так огонь горит в груди.
Она пришла, как к рифме «вновь»
Неразлучимая любовь.

IV.

Цветы мои! не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,
Не всякий этот холод в нем
Мог растопить своим огнем,

Не всякий, дланя кто простер,
Поймать сумеет долю злую.
Как бабочка — я на костер
Лечу и огненность целую.

V

Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами.
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов.

Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек.

VI

И на рябине есть цветы,
Цветы — предшественники ягод,
Они на землю градом лягут.
Багрец свергая с высоты.

Они не те, что на земле.
Цветы рябин другое дело.
Они как жизнь, как наше тело,
Делимое в предвечной мгле.

VII

Любовь моя! прости, прости.
Ничто не обошел я мимо.
Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.

Неповторимы ты и я.
Помрем — за нас придут другие.
Но это все же не такие —
Уж я не твой, ты не моя.

VIII

Цветы, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидеть больше близко
Ее лицо, любимый край.

Ну что ж! пускай не увидать!
Я поражен другим цветеньем
И потому словесным пеньем
Земную буду славить гладь.

IX

А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.

Как стебель тулоно качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?

Цветы людей и в солнь и в стыть
Умеют ползать и ходить.

X

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей,
Когда узнал, что в этом мире
То дело было в октябре.

Цветы сражалися друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под выногой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

XI

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь,
Но все же не боюсь я стали.

Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

XII

И потому, что я постиг,
Что мир мне не монашья схима,
Я ласково влагаю в стих,
Что все на свете повторимо.

И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впустую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.

<1924>

БАТУМ

Корабли плывут
В Константинополь.
Поезда уходят на Москву.
От людского шума ль
Иль от скопа ль
Каждый день я чувствую
Тоску.

Далеко я,
Далеко заброшен,
Даже ближе
Кажется луна.
Пригоршнями водяных горошин
Плещет черноморская
Волна.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

Может быть, из Гавра,
Из Марселя
Приплывет
Луиза иль Жаннет,

О которых помню я
Доселе,
Но которых
Вовсе — нет.

Запах моря в привкус
Дымно-горький.
Может быть,
Мисс Метчел
Или Клод
Обо мне вспомнят
В Нью-Йорке,
Прочитав сей вещи перевод.

Все мы ищем
В этом мире буром
Нас зовущие
Незримые следы.
Не с того ль,
Как лампы с абажуром,
Светятся медузы из воды?

Оттого
При встрече иностранки
Я под скрипты
Шхун и кораблей
Слышиу голос
Плачущей шарманки
Иль далекий
Оклик журавлей.

Не она ли это?
Не она ли?
Ну да разве в жизни
Разберешь?
Если вот сейчас ее
Догнали
И умчали
Брюки клеш.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

А другие здесь
Живут иначе.
И недаром ночью
Сышен свист,—
Это значит,
С ловкостью собачьей
Пробирается контрабандист.

Пограничник не боится
Быстри.
Не уйдет подмеченный им
Враг,
Оттого так часто
Сышен выстрел
На морских, соленых
Берегах.

Но живуч враг,
Как ни вздынь его,
Потому синеет
Весь Батум,
Даже море кажется мне
Индиго
Под бульварный
Смех и шум.

А смеяться есть чему
Причина.
Ведь не так уж много
В мире див.
Ходит полуумный
Старичина,
Петуха на темень посадив.

Сам смеясь,
Я вновь иду на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

<1924>

КАПИТАН ЗЕМЛИ

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир —
Единая семья.

Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым все так
Близко,—
Впадают в диво
И слоны...
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн
В своей расчистке,
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не пугачевский
Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке.
Все делал
Лишь людской закон.

Он в разуме
Отваги полный
Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он — рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия — его
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,

Сойдя на материк,
Путеводительные светы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споет вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».

17 января 1925

ВОСПОМИНАНИЕ

Теперь октябрь не тот,
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года.
Я помню жуткий
Снежный день.
Его я видел мутным взглядом.
Железная витала тень
Над омраченным Петроградом.
Уже все чуяли грозу,
Уже все знали что-то,
Знали,
Что не напрасно, знать, везут
Солдаты черепах из стали
Рассыпались...
Уселись в ряд...
У публики дрожат поджилки...
И кто-то вдруг сорвал плакат
Со стен трусливой учредилки.
И началось...
Метнулись взоры,

Войной гражданскою горя,
И дымом пламенной «Авроры»
Взошла железная заря.
Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли «матов»
Взметнулась надпись огневая:
«Совет Рабочих Депутатов».

<1925>

1 МАЯ

Есть музыка, стихи и танцы,
Есть ложь и лесть...
Пускай меня бранят за «Стансы» —
В них правда есть.

Я видел праздник, праздник мая —
И поражен.
Готов был сгибнуть, обнимая
Всех дев и жен.

Куда пойдешь, кому расскажешь
На чье-то «хны»,
Что в солнечной купались пряже
Балаханы?

Ну как тут в сердце гимн не высечь,
Не впасть как в дрожь?
Гуляли, пели сорок тысяч
И пили тож.

Стихи! стихи! Не очень лефте!
Простей! Простей!
Мы пили за здоровье нефти
И за гостей.

И, первый мой бокал вздымая,
Одним кивком
Я выпил в этот праздник мая
За Совнарком.

Второй бокал, чтоб так, не очень
Вдрезину лечь,
Я гордо выпил за рабочих
Под чью-то речь.

И третий мой бокал я выпил,
Как некий хан,
За то, чтоб не сгибалась в хрипе
Судьба крестьян.

Пей, сердце! Только не в упор ты,
Чтоб жизнь губя...
Вот потому я пил четвертый
Лишь за себя.

<1925>

* * *

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю выzugу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме выюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

<1925>

* * *

Тихий вечер. Вечер сине-хмурый.
Я смотрю широкими глазами.
В Персии такие ж точно куры,
Как у нас в соломенной Рязани.

Тот же месяц, только чуть пошире,
Чуть желтее и с другого края.
Мы с тобою любим в этом мире
Однаково со всеми, дорогая.

Ночи теплые,— не в воле я, не в силах,
Не могу не прославлять, не петь их.
Так же девушки здесь обнимали милых
До вторых до петухов, до третьих.

Ах, любовь! Она ведь всем знакома,
Это чувство знают даже кошки,
Только я с отчизной и без дома
От нее сбираю скромно крошки.

Счастья нет. Но горевать не буду —
Есть везде родные сердцу куры,
Для меня рассеяны повсюду
Молодые чувственные дуры.

С ними я все радости приемлю
И для них лишь говорю стихами:
Оттого, знать, люди любят землю,
Что она пропахла петухами.

Июль 1925

* * *

Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые сгепи,
Широко синеет тихая река.

Я — беспечный парень. Ничего не надо.
Только б слушать песни — сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы,—
Сколько там нарядных мужиков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, slab ты иль не slab?»

На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь долы, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка —
Но косой выводят строчки хоть куда.
Под весенным солнцем, под весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчеках — песня, в этих строчеках — слово.
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

<1925>

* * *

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.

<1925>

* * *

Море голосов воробынных.
Ночь, а как будто ясно,
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробынных.

Ах, у луны такое
Светит — хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Ах, у луны такое
Светит — хоть кинься в воду.

Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как з струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? та ли?
Розы ль мне то нашептали?

Сам я не знаю, что будет.
Близко, а может, где-то
Плачет веселая флейта.
В тихом вечернем гуде
Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

<1925>

* * *

Плачет метель, как цыганская скрипка.
Милая девушка, злая улыбка,
Яль не робею от синего взгляда?
Многое мне нужно и многое не надо.

Так мы далеки и так не схожи —
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь память
Снежною ночью в лихую замять.

Я не заласкан — буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка.

1925

* * *

Ах, метель такая, просто черт возьми.
Забивает крышу белыми гвоздьми.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутевым сердцем я прибит к тебе.

<1925>

* * *

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша степь.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

<1925>

* * *

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
Эту жизнь прожил я словно кстати,
Заодно с другими на земле.

И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.

«Дорогая», «милая», «навеки»,
А в душе всегда одно и то же,
Если тронуть страсти в человеке,
То, конечно, правды не найдешь.

Оттого душе моей не жестко
Не желать, не требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную
И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляну.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.

<1925>

Привет

Первый сборник стихов Есенина «Радуница» вышел в самом начале 1916 года. За последующие десять лет своей жизни Есенин выпустил еще 22 сборника (считая и повторные издания). Кроме того, отдельными книгами выходили «Иисус-младенец», «Пугачев», «Песнь о великом походе».

Каждый сборник, составленный Есениным,— это не просто собрание стихов, написанных за определенный период, это своеобразно и каждый раз по-особому, по-новому построенная книга. Есенин был истинным поэтом не только в своем творчестве, но и в составлении своих сборников. Тщательнейшим образом продуманное расположение стихотворений, с их внутренней, эмоциональной «цепной реакцией», превращало книги Есенина в своеобразные лирические дневники, делало их как бы единым законченным произведением.

В 1925 году Есенин подготовил трехтомное «Собрание стихотворений». Вышло оно уже после смерти поэта, в 1926—1927 годах в четырех томах. Четвертый том был составлен редакцией из произведений, не вошедших в подготовленные Есениным тома, и справочных материалов. Издание это было задумано поэтом как итоговое — онставил своей задачей ввести в него все лучшее, что было им создано. Судьба сделала это издание не только итоговым, но и завещательным.

В этом издании Есенин отказался от строгой хронологии в расположении своих стихотворений, но в то же время не стремился и грубо ее нарушать. Хронологические «перебивы» редко превышают два-три года. Мир чувств поэта, диалектика его души заключены здесь не только в стихотворных строках, но и в тончайшей связи одного стихотворения с другим. Читая построенный самим поэтом том его лирики, мы видим, как проходит перед нами вся его жизнь. Именно это, видимо, имел в виду Есенин, когда писал в автобиографии, подготовленной специально для этого издания: «Что касается остальных автобиографических сведений,— они в моих стихах». Поэтому Есенин и стремился при всей свободе по-

строения «Собрания» все же сохранить обобщенную хронологическую последовательность.

И еще одна замечательная особенность «Собрания» — оно ясно говорит о строгой взыскательности поэта к своему творчеству. Есенин не ввел в «Собрание» многие свои стихи, не только юношеские, но и вполне зрелые. Особенно строго он отнесся к юношеским стихам. Жена поэта, С. А. Толстая-Есенина, рассказывает о стихотворениях «Вот уж вечер. Роса...» и «Там, где капустные грядки...»: «По словам Есенина, это его первые стихи. Считая их слабыми, он не хотел включать их в «Собрание». Согласился напечатать стихи только благодаря просьбе своих близких. Текст был продиктован им. Дата поставлена по его указанию» (Комментарий.— ГЛМ). Больше 120 стихотворений Есенин не включил в свое «Собрание».

В основу настоящего издания положено составленное Есениным трехтомное «Собрание стихотворений». Не говоря уже о том, что это издание стало библиографической редкостью и практически недоступно любителям и почитателям поэзии Есенина, воспроизведение композиции этого издания поможет самому широкому читателю глубже проникнуть в поэтический мир Есенина, даст возможность наглядно проследить идеино-художественную эволюцию его творчества, еще раз «эримо» убедиться, насколько тщательно и вдумчиво подходил поэт к подготовке своих изданий, какую высочайшую требовательность проявлял он к себе, как автор, при отборе произведений.

Стихотворения данного издания расположены в той последовательности, какую установил сам поэт. Вместе с тем, чтобы не обделять настоящее издание по сравнению с уже существующими, произведения, которые сам поэт не ввел в свое «Собрание», также включены, но выделены в специальные разделы.

Ряд текстов Есенина (некоторые письма поэта, ранние редакции его стихотворений, дарственные надписи) публикуется в настоящем издании впервые.

Первый том настоящего издания включает лирические стихотворения, отобранные Есениным для первого тома его «Собрания». Составители сочли себя вправе добавить к ним шесть стихотворений Есенина, написанных в ноябре—декабре 1925 года, когда непосредственная работа поэта над подготовкой «Собрания» прервалась. Все эти стихотворения предназначались Есениным для печати. Дополнительным основанием для включения этих стихотворений послужило то, что сам Есенин предназначал их для «Собрания». Это явствует из письма Есенина к редактору его трехтомника И. В. Евдокимову от 6 декабря 1925 года (см. т. 3 наст. изд.). Естественным завершением лирики Есенина явилось его последнее стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Второй раздел первого тома составляют стихотворения Есенина 1916—1925 годов, не введенные поэтом в основное собрание. Рубеж — 1916 год — между юношескими и зрелыми стихами Есенина был выбран составителями по дате выхода первого поэтического сборника Есенина «Радуница».

Второй том настоящего издания объединяет второй и третий тома есенинского «Собрания». В них входят стихотворения, кото-

рые сам поэт обычно называл в письмах «маленькими поэмами» (они составили второй том «Собрания»), и поэмы (они составили третий том «Собрания»). Дополнительный раздел второго тома составят юношеские стихотворения (1910—1915), не введенные Есениным в основное собрание. Частушки, собранные поэтом, и — данные сугубо выборочно — варианты отдельных строф и строк, показывающие, как Есенин работал над своими произведениями, войдут в приложение к тому. Долгое время в критике существовало убеждение, что свои стихи Есенин писал прямо набело, почти не работал над ними. Приведенные в этом разделе варианты наглядно показывают, как упорно совершенствовал поэт свое мастерство. Для этого раздела отбирались преимущественно законченные редакции, строфы, не вошедшие в основной текст и имеющие самостоятельное смысловое и художественное значение. Лишь в отдельных случаях приведены примеры того, как Есенин тщательно и упорно работал над каждой строкой своих стихов.

Таким образом, первые два тома настоящего издания объединяют все известное в настоящее время поэтическое наследие Есенина. Исключение составляют стихотворные дарственные надписи и альбомные стихи, которые войдут в третий том.

Третий том включает прозу, литературно-критические статьи, автобиографии, избранные письма и т. п. Произведения, написанные Есениным совместно с другими авторами (сценарий «Зовущие зори», литературные декларации и т. п.), помещены в конце третьего тома.

Готовя в 1925 году свое «Собрание», Есенин заново просмотрел все тексты, исправил и отредактировал многие из них. Он хотел продолжить эту работу и в корректуре, но не успел: первые корректурные оттиски пришли уже после его смерти. Все тексты основных разделов печатаются по рукописи «Собрания», подготовленной Есениным (так наз. «наборный экземпляр»; хранится в ГЛМ). Два стихотворения («Улеглась моя былая рана...» и «Я спросил сегодня у менялы...», тексты которых отсутствуют в «наборном экземпляре») печатаются по «Собранию стихотворений». Последние шесть стихотворений, введенные составителями в основной текст, печатаются по автографам. Пять стихотворений («Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», «Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упреком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...», «Может, поздно, может, слишком рано...») — по автографам, хранящимся в ЦГАЛИ; одно стихотворение («До свиданья, друг мой, до свиданья...») — по автографу, хранящемуся в ИРЛИ. Во всех этих случаях в примечаниях к конкретным стихотворениям источники текста не указываются.

Большинство стихотворений, не введенных Есениным в основное собрание, было им лишь однажды напечатано в периодике. В этих случаях стихотворения печатаются, как правило, по этим авторским публикациям, что в примечаниях также не оговаривается. Стихотворения, появившиеся в печати посмертно, воспроизводятся в настоящем издании по автографам, указаний на источник текста в примечаниях в этих случаях также не дается.

В примечаниях указываются источники текста только тех произведений, из напечатанных самим поэтом, которые в настоящем

издании воспроизводятся или по последним прижизненным публикациям, или по автографам (это делается в тех случаях, когда автограф дает более позднюю по сравнению с печатной редакцию произведения), и для тех из опубликованных посмертно произведений, которые по разным причинам (отсутствие автографа и т. п.) печатаются не по автографам, а по другим источникам.

Большинство стихотворений в «наборном экземпляре» и в «Собрании стихотворений» было датировано. Эти даты приняты в настоящем издании и воспроизводятся безоговорочно. В тех случаях, когда документальные данные (автографы, сведения в письмах, первые публикации и т. п.) дают возможность уточнить даты «наборного экземпляра» и «Собрания стихотворений», под стихотворением в угловых скобках ставится дата, установленная редакцией. В угловых скобках поставлены также даты стихотворений, которые не были датированы ни в «наборном экземпляре», ни в «Собрании». Стихотворения, не входившие в основное собрание, в большинстве случаев датируются по первым публикациям, письмам поэта, воспоминаниям современников, а также по другим данным.

В 1961—1962 годах и повторно, в 1966—1968 годах, издательством «Художественная литература» было выпущено пятитомное «Собрание сочинений» Сергея Есенина. При подготовке настоящего издания была учтена работа по решению ряда текстологических вопросов и уточнению датировок и первых публикаций некоторых стихотворений и писем, проведенная в свое время при выпуске пятитомного «Собрания сочинений».

В примечаниях приняты следующие сокращения:

«Воспоминания» — Сборник «Воспоминания о Сергее Есенине», М. изд. «Московский рабочий», 1965.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

«Голубень», 1918 — С. Есенин, «Голубень», изд. «Революционный социализм» («Скифы»), П. 1918.

ИМЛИ — Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР («Пушкинский дом») (Ленинград).

«Исповедь хулигана», 1921 — С. Есенин, «Исповедь хулигана», без обозначения издательства и места издания, 1921.

«Радуница», 1916 — С. Есенин, «Радуница», изд. М. В. Аверьянова, П. 1916.

«Радуница», 1918 — С. Есенин, «Радуница», изд. «Моск. трудовой артели художников слова», М. 2-й год I века (1918).

«Преображение», 1918 — С. Есенин, «Преображение», изд. «Моск. трудовой артели художников слова», М. 2-й год I века (1918).

«Собрание стихотворений», — С. Есенин, «Собрание стихотворений», тома 1—4, М. Гиз. 1926—1927.

«Стихи», 1924 — С. Есенин, «Стихи» (1920—1924), изд. «Круг», М. 1924.

«Стихи скандалиста», 1923 — С. Есенин, «Стихи скандалиста», изд. И. Т. Благова, Берлин, 1923.

«Трерядница», 1920 — С. Есенин, «Трерядница», изд. «Злак», М. 1920.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Вот уж вечер. Роса...» — «Собрание стихотворений», т. I.

В наборном экземпляре С. Толстая-Есенина по просьбе позта пометила — «самое первое».

«Там, где капустные грядки...» — «Собрание стихотворений», т. I.

«Поет зима — а укает...» — Журн. «Мирок», М. 1914, № 2, февраль; под заглавием «Воробышки».

«Под венком лесной ромашки...» — Жури. «Голос жизни», П. 1915, № 17, 22 апреля; под заглавием «Рыбак».

«Темна ноченька, не спится...» — Журн. «Голос жизни», П. 1915, № 17, 22 апреля; под заглавием «Гусляр».

Купыри — луговая трава.

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...» — «Ежемесячный журнал», П. 1915, № 11, ноябрь; под заглавием «Танюша».

«За горами, за желтыми долами...» — «Ежемесячный журнал», П. 1916, № 4, апрель; с посвящением: «Анне Сардановской».

Сардановская Анна Алексеевна (1895—1922) — юношеское увлечение поэта. Сестра поэта Е. А. Есенина вспоминает: «Каждое лето приезжала... учительница, вдова Вера Васильевна Сардановская. У Веры Васильевны было трое детей — сын и две дочери... Сергей был в близких отношениях с этой семьей, и часто, бывало, в саду у Поповых можно было видеть его с Анютой Сардановской (младшей дочерью Веры Васильевны)» («Воспоминания», стр. 32).

«Опять раскинулся узорно...» — «Ежемесячный журнал», П. 1916, № 9—10, сентябрь — октябрь.

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» — «Радуница», 1916.

Судя по пометкам на наборном экземпляре, поэт первоначаль-

но предполагал этим стихотворением открыть свое «Собрание стихотворений».

Подражанье песне. — «Радуница», 1916; без заглавия.

«Выткался на озере алый свет зари...» — Журн. «Млечный Путь», М. 1915, № 3, март.

Один из друзей юности Есенина, Н. А. Сардановский, рассказывает: «Однажды взволнованный Есенин сообщил мне, что профессор Сакулин обещает побеседовать с ним о его стихах. Вскоре Сергей с восторгом рассказывал мне, что профессор особенно одобрил его стихотворение «Выткался на озере алый свет зари...» («Воспоминания», стр. 93).

«Матушка в Купальницу по лесу ходила...» — «Радуница», 1916.

Купальница — ночь накануне праздника Ивана Купалы (24 июня старого стиля).

«Зашумели над затоном тростники...» — Журн. «Млечный Путь», М. 1915, № 2, февраль; под заглавием «Кручинка».

Семик — седьмой четверг после пасхи.

«Троицыно утро, утренний канон...» — «Ежемесячный журнал», П. 1915, № 6, июнь; под заглавием «Троица».

«Туча кружево в роще связала...» — «Радуница», 1916.

На-умяк — наобум.

«Дымом половодье...» — «Радуница», 1916.

«Сыплет черемуха снегом...» — «Ежемесячный журнал», П. 1915, № 6, июнь.

«На плетнях висят бараки...» — «Радуница», 1916; под заглавием «Базар».

Лещужная — от лещуга (осока).

На пыжну — в мелколесье.

Калики. — Журн. «Русская мысль», М.—П. 1915, кн. VII, июль.

Калики — странствующие нищие.

Вериги — цепи, железные кольца (иногда медная икона), носившиеся на голом теле монахами и юродивыми.

«Задымился вечер, дремлет кот на брусе...» — «Радуница», 1916.

«Край любимый! Сердцу снятся...» — Газ. «Биржевые ведомости», П. 1915, № 15289, 25 декабря; под заглавием «Край родной».

«Пойду в скучье смиренным иноком...» — Журн. «Русская мысль», М.—П. 1915, кн. VII, июль; под заглавием «Инок».

«Шел господь пытать людей в любови...» — «Радуница», 1916.

Кулижка — площадка перед домом со стороны улицы (мест. рязанское).

Осень.— Сб. «Скифы», П. 1917, № 1.

Иванов Разумник Васильевич (1878—1946) — литературный критик и публицист, был близок левым эсерам (печатался под псевдонимом Р. В. Иванов-Разумник). Есенин познакомился с ним в 1916 году.

«Не ветры осыплющие...» — Газ. «Биржевые ведомости», П. 1915, № 15225, 22 ноября.

...идет возлюбленная мать... — богородица, по христианской легенде, мать Иисуса Христа — пречистого сына.

В хате.— Журн. «Голос жизни», П. 1915, № 17, 22 апреля; без заглавия.

«В хате» — из числа стихотворений, которые Есенин, по свидетельству современников, часто читал в литературной среде Петрограда и Москвы в 1915—1916 годах. «С радостью принял он за чтение стихов, вошедших потом в его первую книгу, — вспоминал об одном таком вечере В. Чернявский. — Первое впечатление совершенно пронзило слушателей — новизной, трогательностью, настоящей плотью поэтического чувства. Он читал гораздо громче, чем говорил, читал в обычной своей есенинской манере, которую впоследствии только усовершенствовал... простые строки рубились упрямо и крепко, без всякой приторности... Ему пришлось разъяснять свой словарь,— вокруг были «иностранные», — и ни «паз», ни «дежка», ни «улогий», ни «скатый» не были им понятны» («Воспоминания», стр. 140). Литературовед И. Розанов, присутствовавший на выступлении Есенина в Москве 21 января 1916 года в «Обществе свободной эстетики», где поэт среди других произведений прочитал стихотворение «В хате», рассказывает в своих воспоминаниях: «Он... начал с эпического. Читал о Евпатии Рязанском... Потом... перешел к мелким стихам о деревне... Тут были стихотворения, понравившиеся мне целиком, например, «Корова», где уже сказалась столь характерная для позднейшего Есенина нежность к животным... Еще более произвело на меня впечатление «В хате» («Пахнет рыхлыми драченами...»)... Ночью, уже ложась спать, я все восхищался этой «пугливой шумотой» и жалел, что не могу припомнить всего стихотворения» («Воспоминания», стр. 289—290).

Драчены — блины, сдобренные яйцами, молоком и маслом.

Печурка — углубление в боковой части русской печки.

«По селу тропинкой кривенькой...» — Журн. «Огонек», П. 1915, № 30, 26 июля; под заглавием «Рекруты».

Ливенка — гармоника.

«Гой ты, Русь, моя родная...» — Газ. «Биржевые ведомости», П. 1915, № 15209, 14 ноября.

«Я — пастух; мои палаты...» — «Ежемесячный журнал», П. 1915, № 8, август; под заглавием «Пастух».

Сутёмы — сумерки.

Кивливом — от слова «кивать».

«Сторона ль моя, сторонка...» — Литературные и популярно-научные приложения к журн. «Нива», П. 1915, № 12, декабрь.

Посолонка — тощая земля.

«Сохнет стаявшая глина...» — Журн. «Москва», М. 1919, № 3.

«Чую радуницу божью...» — «Радуница», 1916.

Чую радуницу божью — то есть предвижу радость пресвятого воскресения, новый приход Христа («Мне мерецится Иисус»). *Радуница* — обрядовый праздник, день поминования усопших в первую послепасхальную неделю.

Богородицыын покров. — Имеется в виду христианский праздник покрова Богородицы. Отмечается православной церковью 1 октября ст. ст.

«По дороге идут богомолки...» — Журн. «Голос жизни», П. 1915, № 17, 22 апреля; под заглавием «Богомолки».

Шипульные колки — колючие ветви шиповника.

Кукольни — сорная трава.

Дулейка — ватная кофта.

Косницы, или *косинки* — ленты в косах.

«Край ты мой заброшенный...» — «Радуница», 1916.

«Заглушила засуха засевки...» — Журн. «Летопись», П. 1916, № 2, февраль; под заглавием «Молебен».

Это стихотворение, где так отчетливо выражены социальные устремления молодого поэта, привлекло внимание М. Горького. Оно было напечатано в редактировавшемся М. Горьким журнале «Летопись». Молодой поэт высоко ценил творчество великого пролетарского писателя. Об этом, в частности, свидетельствует дарственная надпись на книге «Радуница», которую Есенин в феврале 1916 года подарил Алексею Максимовичу (см. т. 3 наст. изд.).

Еланки — полянки.

«Черная, потом пропахшая выть!...» — Газ. «Биржевые ведомости», П. 1915, № 15141, 11 октября; под заглавием «Выть».

Веретье — здесь: не заливаемая во время разлива возвышенность на пойме.

Кукан — островок, появляющийся во время спада воды в реке.

«Топи да болота...» — «Радуница», 1916.

«За темной прядью перелесиц...» — Журн. «Северные записки», П. 1916, № 9, сентябрь.

«В том краю, где желтая крапива...» — «Ежемесячный журнал», П. 1916, № 9—10, сентябрь — октябрь.

«Я снова здесь, в семье родной...» — Альманах «Творчество», М.—П. 1917, № 1.

«Не бродить, не мять в кустах багряных...» — Газ. «Земля и Воля», П. 1917, № 148, 21 сентября.

«О красном вечере задумалась дорога...» — Сб. «Скифы», П. 1917, № 1.

«Нощь и поле, и крик петухов...» — «Ежемесячный журнал», П. 1917, № 11—12, ноябрь — декабрь.

Саваоф — одно из библейских имен бога.

«О край дождей и непогоды...» — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2.

Голубень. — Газ. «Земля и Воля», П. 1917, № 156, 30 сентября.

«Колокольчик сребровзвонный...» — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2.

«Запели тесаные дороги...» — Газ. «Биржевые ведомости», П. 1916, № 15503, 17 апреля.

«Не напрасно дули ветры...» — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2.

Корова. — Журн. «Северные записки», П. 1916, № 9, сентябрь.

«Под красным вязом крыльцо и двор...» — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2.

Табун. — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2.

Гамаюн — сказочная птица с человеческим лицом.

Пропавший месяц. — «Знамя труда. Временник литературы, искусства и политики», М. 1918, № 1.

«О товарищах веселых...» — Сб. «Скифы», П. 1917, № 1.

Пожня — девянка на лугах.

Лития — род православного богослужения.

«Весна на радость не похожа...» — Сб. «Пряник осиротевшим детям», П. 1916.

«Алый мрак в небесной черни...» — Газ. «Биржевые ведомости», П. 1915, № 15169, 25 октября.

...к правде сошьего креста... — рукоять сохи имеет форму креста.

«Прощай, родная пуща...» — Газ. «Знамя труда», П. 1918, № 107, 12 января.

«Покраснела оябина...» — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2.

Вой — воин.

Вольга — один из героев русского эпоса.

«Твой глас незримый, как дым в избе...» — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2.

«В лунном кружеве украдкой...» — Газ. «Биржевые ведомости», П. 1915, № 15267, 13 декабря.

Магдалина (Мария Магдалина) — по христианской легенде, одна из галилейских женщин, постоянно сопровождавшая Иисуса Христа.

«Там, где вечно дремлет тайна...» — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2.

«Тучи сожереба...» — «Голубень», 1918.

Назарет — по евангельской легенде, город, где жил Христос.

Новый Симеон — Симеон Столпник — христианский подвижник.

Лисица — Газ. «Биржевые ведомости», П. 1916, № 15314, 10 января.

Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель, после революции эмигрировал.

«О Русь, взмахни крылами...» — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2; с посвящением «Николаю Клюеву» и эпиграфом:

Я верю, под одной звездой
С тобой мы были рождены.

М. Лермонтов

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — выдающийся русский поэт. Есенин, с ранних лет хорошо знакомый с творчеством А. Кольцова, видел в нем одного из первых поэтов крестьянской Руси и испытал влияние его поэзии. В автобиографии 1924 года, говоря о годах своей юности, он отмечает: «Из поэтов мне больше всего нравился Лермонтов и Кольцов. Позднее я перешел к Пушкину» (см. т. 3 наст. изд.). Стихотворение «О Русь, взмахни крылами...» Есенин читал на открытии памятника А. Кольцову 3 ноября 1918 года. И. Белоусов вспоминает: «При открытии памятника Кольцову Есенин — тогда молодой еще, задорный — говорил свое стихотворение, стоя у подножия памятника. Как сейчас слышу его голос, вижу его фигуру с поднятой головой, с кудрявыми белокурыми волосами. Он бросал в толпу новые, смелые слова» («Литературная среда. Воспоминания. 1880—1928», М. 1928, стр. 265—266).

Клюев Николай Алексеевич (1887—1937) — поэт, выходец из крестьян Олонецкой губернии. Есенин познакомился с ним в Петрограде в 1915 году и в дальнейшем испытал известное влияние его творчества. Однако вскоре между поэтами возникает та «внутренняя распра», о которой Есенин писал в автобиографии 1922 года (см. т. 3 наст. изд.). Полемический характер имеет и стихотво-

рение «О Русь, взмахни крылами...». Оно явилось своего рода ответом на клюевское стихотворение «Елушка-сестрица...», посвященное Есенину. В нем в завуалированной форме Н. Клюев сравнивал Есенина с Борисом Годуновым, а себя — с невинной жертвой Годунова царевичем Димитрием. Есенин понял скрытую мысль «Елушки-сестрицы...», о чем свидетельствует его письмо к Р. Иванову-Разумнику от января 1918 года. «Клюев,— отмечает Есенин в этом письме,— за исключением «Избянных песен», которые я ценю и признаю, за последнее время сделался моим врагом. Я больше знаю его, чем Вы, и знаю, что заставил написать его «прекраснейшему» и «белый свет Сережа, с Китоврасом схожий». То единство, которое Вы находитите в нас, только кажущееся...» (см. т. 3 наст. изд.)

Чапыгин Алексей Павлович (1870—1937) — советский писатель, автор книг о крестьянском движении в России — «Разин Степан» и «Гуляющие люди». С Чапыгиным Есенин познакомился в 1915 году.

«Гляну в поле, гляну в небо...» — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2.

«То не тучи бродят за овном...» — «Голубень», 1918.

«Разбуди меня завтра рано...» — Журн. «Рабочий мир», М. 1918, № 8, 7 июля.

С. Толстая-Есенина свидетельствует, что, «по словам Есенина, это стихотворение явилось первым его откликом на февральскую революцию» (Комментарий.— ГЛМ).

«Где ты, где ты, отчий дом...» — Газ. «Вечерние известия», М. 1918, № 56, 26 сентября.

«О мать божья...» — Журн. «Рабочий мир», М. 1918, № 7, 23 июня.

В «Литературном приложении» № 1 к газ. «Известия ВЦИК», М. 1918, № 180, 22 августа, входило в состав маленькой поэмы «Йорданская голубица» как ее 3-я часть.

«О пашни, пашни, пашни...» — «Преображение», 1918. Исаия — библейский пророк.

«Нивы сжаты, рощи голы...» — Газ. «Вечерние известия», М. 1918, № 56, 26 сентября.

«Зеленая прическа...» — «Преображение», 1918.

«Я по первому снегу бреду...» — Газ. «Вечерние известия», М. 1918, № 56, 26 сентября.

«Серебристая дорога...» — «Преображение», 1918.

«Отвори мне, страж заоблачный...» — «Преображение», 1918.

«О верю, верю, счастье есть!..» — Журн. «Рабочий мир», М. 1918, № 18, 24 ноября.

«Песни, песни, о чём вы кричите?..» — «Преображение», 1918.

«Вот оно, глупое счастье...» — «Преображение», 1918.

«Проплясал, проплакал дождь весенний...» — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2.

Понтий Пилат — римский наместник в Иудее, допустивший, по библейской легенде, казнь Христа.

Или, Или, лама сахфани... («Боже мой, боже мой! для чего ты меня оставил?») — слова, которые Христос произнес перед смертью (Евангелие от Матфея, 27, 46).

«О муз, друг мой гибкий...» — «Преображение», 1918.

Разумниковский лик. — Речь идет о критике и литературоведе Р. В. Иванове-Разумнике (см. прим. к стих. «Осень»).

Апостол нежный Клюев... — см. прим. к стих. «О Русь, взмахни крылами...»

«Я последний поэт деревни...» — «Трерядница», 1920.

«Душа грустит о небесах...» — Журн. «Жизнь и творчество русской молодежи», М. 1919, № 34—35, 1 июня; под заглавием «А. Кускову».

А. Кусиков (р. 1896) — поэт, имажинист; в 1921 году вместе с Есениным выпустил сборник «Звездный бык». В 1922 году встречался с Есениным в Берлине.

«Устал я жить в родном краю...» — Журн. «Северные записки», П. 1916, № 9, сентябрь.

«О боже, боже, эта глубь...» — Журн. «Сирена», Воронеж, 1919, № 4—5, 30 января.

«Я покинул родимый дом...» — Сб. «Конница бурь», М. 1920, № 2; «Трерядница», 1920.

«Хорошо под осеннюю свежесть...» — Сб. «Конница бурь», М. 1920, № 2; «Трерядница», 1920.

Песнь о собаке. — Газ. «Советская страна», М. 1919, № 3, 10 февраля.

О чтении Есениним этого стихотворения в Берлине в 1922 году рассказывает М. Горький:

«Я попросил его прочитать о собаке, у которой отняли и бросили в реку семерых щенят... Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных.

— Да, я очень люблю всякое зверье, — молвил Есенин задумчиво и тихо... пощупал голову обеими руками и начал читать «Песнь о собаке». И, когда произнес последние строки:

Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег

— на его глазах тоже сверкнули слезы.

После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения и неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком» (М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 17, Гослитиздат, М. 1952, стр. 63—64).

«Закружила листва золотая...» — Журн. «Москва», М. 1920, № 4.

«Теперь любовь моя не та...» — Сб. «Конница бурь», М. 1920, № 2.

Н. Клюев — см. прим. к стих. «О Русь, взмахни крылами...».

«По осеннему кычет сова...» — Журн. «Знамя», М. 1920, № 3—4; (5—6), май—июнь.

А. Мариенгоф вспоминает, что это стихотворение было написано в Харькове при следующих обстоятельствах. Как-то утром Мариенгоф в шутку сказал Есенину, что у того на макушке начала обозначаться «плешишка». Есенин «стал ловить серебряный пятак двумя зеркалами, одно наводя на другое. Любили мы в ту крепкую и тугую юность потолковать о неподходящих вещах — выдумывали январский иней в волосах, несуществующие серебряные пятаки, осеннюю прохладу в густой, горячей крови. Есенин отложил зеркала и потянулся к карандашу... Прямо в кровати, с маxу, почти набело (что случалось редко и было не в его тогдашних правилах) написал трогательное лирическое стихотворение... «По осеннему кычет сова...» («Воспоминания», стр. 239—240). Другую версию возникновения этого стихотворения приводит в своих воспоминаниях Л. Повицкий (см. журн. «Нева», Л. 1969, № 5).

Песнь о хлебе. — Журн. «Знамя», М. 1921, № 9 (11).

Хулиган. — Журн. «Знамя», М. 1920, № 5 (7), ноябрь; без заглавия.

«Все живое особой метой...» — «Литературное приложение» № 3 к газ. «Накануне», Берлин, 1922, № 40, 14 мая.

«Мир таинственный, мир мой древний...» — Журн. «Культура и жизнь», М. 1922, № 2—3, 1—15 марта; под заглавием «Волчья гибель».

«Сторональ ты моя, сторона!..» — «Литературное приложение» № 4 к газ. «Накануне», Берлин, 1922, № 46, 21 мая.

«Не ругайтесь. Такое дело!..» — Журн. «Огонек», М. 1923, № 26, 23 сентября.

«Не жалею, не зову, не плачу...» — Журн. «Красная новь», М. 1922, № 2, март—апрель.

«Есенин рассказывал, что это стихотворение было написано под влиянием одного из лирических отступлений в «Мертвых душах». Иногда полуслыша прибавлял: «Вот меня хвалят за эти сти-

хи, а не знают, что это не я, а Гоголь». Несомненно, что место в «Мертвых душах», о котором говорил Есенин,— это вступление к шестой главе, которое заканчивается словами: «...что пробудило бы в прежние годы живое движенье в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О, моя юность! О, моя свежесть!» (С. Толстая-Есенина. Комментарий.— ГЛМ).

«Я обманывать себя не стану...» — Журн. «Красная новь», М. 1923, № 6, октябрь — ноябрь.

«Да! Теперь решено. Без возврата...» — «Стихи скандалиста», 1923.

В «Стихах скандалиста» этим стихотворением открывается цикл «Москва кабацкая», в который, помимо данного стихотворения, первоначально входило еще три («Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Сыпь, гармоника. Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...»). Опубликованы они были все вместе, в подборку, как единое произведение, с посвящением поэту А. Кусикову. Последний, вспоминая об обстоятельствах создания Есениным этих стихов в Берлине, писал: «Были у Горького. Сережа читал, Горький плакал. А вскоре, после долгих бесед в ночи, под гитару мою, писал «Москву кабацкую»...

Есенин увидел «Россию зарубежную», Россию без родины:

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают Московскую Русь».

В polemическом предисловии к «Стихам скандалиста» (см. т. 3 наст. изд.) Есенин дал свое собственное объяснение ряду мотивов, поэтических образов, лексике «Москвы кабацкой». «Я чувствую себя хозяином в русской поэзии,— писал Есенин,— и потому втаскиваю в поэтическую речь слова всех оттенков. Нечистых слов нет, есть только нечистые представления. Не на мне лежит конфуз от смело произнесенного мною слова, а на читателе или слушателе. Слова — это граждане, я их полководец...»

По воспоминаниям И. И. Старцева, Есенин вскоре после возвращения из-за границы осенью 1923 года читал «Москву кабацкую» и, когда его упрекнули в упадничестве, «стал ожесточенно говорить, что он внутренне пережил «Москву кабацкую» и не может отказаться от этих стихов. К этому его обязывает звание поэта» («Воспоминания», стр. 252).

«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» — «Стихи скандалиста», 1923.

«Сыпь, гармоника. Скука... Скука...» — «Стихи скандалиста», 1923.

«Пой же, пой. На проклятой гитаре...» — «Стихи скандалиста», 1923.

«Эта улица мне знакома...» — Журн. «Красная новь», М. 1923, № 6, октябрь—ноябрь.

«Годы молодые с забубенной славой...» — Журн. «Красная новь», М. 1924, № 3, апрель—май.

Письмо матери.— Журн. «Красная новь», М. 1924, № 3, апрель—май.

«Я усталым таким еще не был...» — Журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М. 1924, № 1 (3).

«Этой грусти теперь не рассыпать...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1924, № 217, 25 сентября.

В автобиографии Есенина (1924) есть изображение русского пейзажа, очень близкое пятой строфе: «...Я готов... предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба, немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка... это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.» (см. т. 3 наст. изд.).

«Мне осталась одна забава...» — Журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М. 1924, № 1 (3).

«Заметался пожар голубой...» — Журн. «Красная нива», М. 1923, № 41, 14 октября.

Этим стихотворением открывался цикл «Любовь хулигана», созданный Есениным во второй половине 1923 года. Он был посвящен актрисе Камерного театра А. Л. Миклашевской, с которой поэт познакомился в августе 1923 года. В цикл «Любовь хулигана» входили следующие стихотворения: «Заметался пожар голубой...», «Ты такая же простая, как все...», «Пускай ты выпита другим...», «Дорогая, сядем рядом...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Ты прохладой меня не мучай...», «Вечер черные брови насопил...». См. также дарственную надпись А. Л. Миклашевской на книге «Москва кабацкая» в т. 3 наст. изд.

«Ты такая же простая, как все...» — Журн. «Красная нива», М. 1923, № 41, 14 октября.

«Пускай ты выпита другим...» — Журн. «Красная новь», М. 1923, № 7, декабрь.

«Дорогая, сядем рядом...» — Журн. «Красная новь», М. 1923, № 7, декабрь.

«Мне грустно на тебя смотреть...» — Журн. «Русский современник», Л.—М. 1924, № 2.

«Ты прохладой меня не мучай...» — Журн. «Русский современник», Л.—М. 1924, № 2.

«Вечер черные брови насопил...» — Журн. «Красная новь», М. 1924, № 1, январь—февраль.

А. Л. Миклашевская вспоминает:

«Мы встречались с Есениным все реже и реже. Увидев меня однажды на улице, он соскочил с извозчика, подбежал ко мне.

— Прожил с вами уже всю нашу жизнь. Написал последнее стихотворение:

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?..

Как всегда, тихо прочитал все стихотворение и повторил: «Наша жизнь, что былой не была» («Воспоминания», стр. 352).

«Мы теперь уходим понемногу...» — Журн. «Красная новь», М. 1924, № 4, июнь—июль.

Стихотворение в журн. «Красная новь» было озаглавлено «Памяти Ширяевца». Александр Ширяевец (псевдоним А. В. Абрамова, 1887—1924) — поэт; так же, как и Есенин, входил в Суриковский литературно-музыкальный кружок, много печатался в тех же изданиях, что и Есенин. Он умер 15 мая 1924 года. Есенин тяжело переживал смерть Ширяевца. С. М. Городецкий вспоминает: «Похоронив друга, собрались в грязной комнате Дома Герцена... Пришибленные, с клубком в горле, читали стихи про Ширяевца. Когда я прочел свое, Сергей судорожно схватил меня за руку. Что-то начал говорить: «Это ты... замечательно...» И слезы застали ему глаза. Есенин не верил, что Ширяевец умер от нарыва в мозгу. Он уверял, что Ширяевец отравился каким-то волжским корнем, от которого бывает такая смерть. И восхищало его, что бурный спор в речах над могилой Ширяевца закончился звонкой и долгой песней вдруг прилетевшего соловья» («Воспоминания», стр. 174—175).

Пушкин.—Газ. «Бакинский рабочий», 1924, № 217, 25 сентября.

Написано в связи со 125-летием со дня рождения Пушкина. 6 июня 1924 года Есенин читал стихотворение на митинге у памятника Пушкину в Москве на Тверском бульваре.

«Низкий дом с голубыми ставнями...» — Журн. «Русский современник», М.—Л. 1924, № 3; газ. «Бакинский рабочий», 1924, № 218, 26 сентября.

Сукин сын.—Газ. «Бакинский рабочий», 1924, № 215, 23 сентября.

«Отговорила роща золотая...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1924, № 215, 23 сентября.

«Синий май. Заревая теплынь...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 110, 19 мая.

Собаке Качалова.—Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 77, 7 апреля.

Об обстоятельствах, при которых было создано это стихотворение, вспоминает народный артист СССР В. И. Качалов: «Часам к

двенадцати ночи я отыграл спектакль, прихожу домой. Небольшая компания моих друзей и Есенин уже сидят у меня. Поднимаюсь по лестнице и слышу радостный лай Джима, той самой собаки, которой потом Есенин посвятил стихи. Тогда Джиму было всего четыре месяца. Я вошел и увидел Есенина и Джима — они уже познакомились и сидели на диване, вплотную прижавшись друг к другу. Есенин одною рукой обнял Джима за шею, а в другой держал его лапу и хриплым баском приговаривал: «Что это за лапа, я сроду не видал такой!... Прихожу как-то домой — вскоре после моего первого знакомства с Есениным. Мои домашние рассказывают, что без меня заходили трое: Есенин, Пильняк и еще кто-то, Тихонов, кажется. У Есенина на голове был цилиндр, и он объяснил, что надел цилиндр для парада, что он пришел к Джиму с визитом и со специальным ему написанными стихами, но так как акт вручения стихов Джиму требует присутствия хозяина, то он придет в другой раз» («Воспоминания», стр. 417—420).

«Несказанное, синее, нежное...» — Журн. «Красная мичва», М. 1925, № 14, 5 апреля.

Песня.— Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 108, 17 мая.

«Заря окликает другуюю...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 104, 12 мая.

«Ну, целуй меня, целуй...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 110, 19 мая.

«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 115, 25 мая.

«Вижу сон. Дорога черная...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 161, 20 июля.

«Спит ковыль. Равнина дорогая...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 161, 20 июля.

«Не вернусь я в отчий дом...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 108, 17 мая.

«Над окошком месяца. Под окошком ветер...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 230, 9 октября.

«Каждый труд благослови, удача!..» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 171, 31 июля.

Сестра поэта А. А. Есенина вспоминает: «В первой половине июня 1925 года Сергей уехал в деревню, или, как мы говорили, домой. Дома он прожил около недели. В это время шел сенокос, стояла тихая, сухая погода, и Сергей почти ежедневно уходил из дома то на сенокос к отцу, где помогал ему косить, то уезжал с рыбакской артелью километров за пятнадцать от нашего села ловить рыбу. Эта поездка с рыбаками и послужила поводом к написанию стихотворения «Каждый труд благослови, удача!..», которое было написано там же, в деревне, в нашем амбаре, приотившемся в вишневом саду» («Воспоминания», стр. 71).

«Видно, так заведено навеки...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 171, 31 июля.

Вынул я кольцо у попугая... — А. А. Есенина вспоминает: «Кольцо, о котором говорится в стихотворении, действительно Сергею на счастье вынул попугай незадолго до его женитьбы на Софье Андреевне <Толстой>. Шутя Сергей подарил это кольцо ей. Это было простое медное кольцо очень большого размера» («Воспоминания», стр. 71).

«Листья падают, листья падают...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 199, 2 сентября.

«Гори, звезда моя, не падай...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 189, 21 августа.

«Жизнь — обман с чарующей тоскою...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 189, 21 августа.

«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 230, 9 октября.

«Я красивых таких не видел...» — Журн. «Красная нива», М. 1925, № 42, 11 октября.

Это и последующие стихотворения «Ах, как много на свете кошек...», «Ты запой мне ту песню, что прежде...», «В этом мире я только прохожий...» посвящены сестре Есенина — Александре Александровне.

«Ах, как много на свете кошеч...» — Журн. «Красная нива», М. 1925, № 42, 11 октября.

В своих воспоминаниях А. А. Есенина рассказывает:

«В один из сентябрьских дней Сергей предложил Соне и мне покататься на извозчике. День был теплый, тихий.

Лишь только мы отъехали от дома, как мое внимание привлекли кошки. Уж очень много их попадалось на глаза. Столько кошек мне как-то не приходилось встречать раньше, и я сказала об этом Сергею. Сначала он только улыбнулся и продолжал спокойно сидеть, погруженный в какие-то размышления, но потом вдруг громко рассмеялся. Мое открытие ему показалось забавным, и он тотчас же превратил его в игру, предложив считать всех кошек, попадавшихся нам на пути...

Это занятие нас всех развеселило, а Сергей увлекся им, пожалуй, больше, чем я. Завидев кошку, он вскакивал с сиденья и, указывая рукой на нее, восклицал: «Вон, вон еще одна!»...

Когда мы доехали до Театральной площади, Сергей предложил пойти пообедать. И вот я первый раз в ресторане. Швейцары, ковры, зеркала, сверкающие люстры — все это поразило и ошеломило меня. Я увидела себя в огромном зеркале и оторопела: показалась такой маленькой, неуклюжей, одета по-деревенски и покрыта красивым, но деревенским платком. Но со мной Соня и Сергей. Они ведут себя просто и свободно. И уединившись за них, я шагаю к столику у колонны. Сидя за столом и видя мое смущение, Сергей все время улыбался, и, чтобы окончательно смутить меня, он проговорил: «Смотри, какая ты красивая, как все на тебя смотрят...»

А на следующий день Сергей написал и посвятил мне стихи: «Ах, как много на свете кошек, нам с тобой их не счесть никогда...» и «Я красивых таких не видел...» («Воспоминания», стр. 72—73).

«Ты запой мне ту песню, что прежде...» — Журн. «Красная нива», М. 1925, № 42, 11 октября.

«В этом мире я только прохожий...» — Журн. «Красная нива», М. 1925, № 42, 11 октября.

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

«Персидские мотивы» были написаны Есениным во время трех поездок в Грузию и Азербайджан, с осени 1924 по август 1925 года. Хотя цикл и назван «Персидскими мотивами», павеян он именно этими поездками, а не Персией, где Есенин никогда не был. Близкий друг Есенина, в те годы редактор газеты «Бакинский рабочий», П. И. Чагин рассказывает:

«Поехали на дачу в Мардакянах под Баку... Есенин в присутствии Сергея Мироновича Кирова неповторимо задушевно читал новые стихи из цикла «Персидские мотивы».

Киров, человек большого эстетического вкуса, в дореволюционном прошлом блестящий литератор и незаурядный литературный критик, обратился ко мне после есенинского чтения с укоризной: «Почему ты до сих пор не создал Есенину иллюзию Персии в Баку? Смотри, как написал, как будто был в Персии. В Персию мы не пустили его, учитывая опасности, какие его могут подстеречь, и боясь за его жизнь. Но ведь тебе же поручили создать ему иллюзию Персии в Баку. Так создай! Чего не хватит — довообразит. Он же поэт, да какой!»

...Летом 1925 года я перевез Есенина к себе на дачу. Это, как он сам признавал, была доподлинная иллюзия Персии — огромный сад, фонтаны и всяческие восточные затеи. Ни дать ни взять Персия» (газ. «Литературная Россия», М. 1965, № 40, 1 октября).

«Улеглась моя белая рана...» — Газ. «Трудовой Батум», 1924, № 280, 10 декабря.

«Я спросил сегодня у меня лы...» — Газ. «Трудовой Батум», 1924, № 280, 10 декабря.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 1, 1 января.

Шаганэ — прототипом этого романтического образа персиянки послужила Шаганэ Нерсесовна Тальян, в те годы — преподавательница литературы. Есенин познакомился с ней во время своего пребывания в Батуме зимой 1924/25 года (см. также дарственную надпись Есенина Ш. Н. Тальян — в т. 3 наст. изд.).

Шираз — город на юге Ирана. В письме к Г. Бениславской от 8 апреля 1925 года Есенин писал: «Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поет, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза» (см. т. 3 наст. изд.).

«Ты сказала, что Саади...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 1, 1 января.

Саади (1184—1291) — один из крупнейших персидских поэтов. Об интересе Есенина к творчеству этого поэта и упоминаемых в следующих стихах *Омара Хайяма* (ок. 1048 — после 1122) и *Фирдоуси* (934 — ок. 1020) рассказывает журналист Н. Вержбицкий («Встречи с Есениным». Тбилиси, 1961, стр. 50—51).

«Никогда я не был на Босфоре...» — Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1925, № 782, 18 января.

«Свет вечерний шафранного края...» — Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1925, № 782, 18 января.

«Воздух прозрачный и синий...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 82, 13 апреля.

«Золото холодное луны...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 82, 13 апреля.

«В Хоросане есть такие двери...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 74, 3 апреля.

«Голубая родина Фирдуси...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 74, 3 апреля.

«Быть поэтом — это значит то же...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 177, 7 августа.

«Руки милой — пара лебедей...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 179, 10 августа.

Если перс слагает плохо песнь, || Значит, он вовсе не из Шираза... — См. прим. к стих. «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..».

«Отчего луна так светит тусклово...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 183, 14 августа.

«Глупое сердце, не бейся!..» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 177, 7 августа.

«Голубая да веселая страна...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 179, 10 августа; с посвящением «Гелии Николаевне Чагиной», то есть шестилетней Розе Чагиной, дочери П. И. Чагина, которая называла себя «Гелия Николаевна», по имени какой-то актрисы.

«Эх вы, сани! А кони, кони!..» — Журн. «Новый мир», М. 1925, № 11, ноябрь.

«Снежная замять дробится и колется...» — Журн. «Новый мир», М. 1925, № 11, ноябрь.

«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» — Журн. «Красная новь», М. 1925, № 9, ноябрь.

«Голубая кофта. Синие глаза...» — Журн. «Красная новь», М. 1925, № 9, ноябрь.

«Снежная замять крутит бойко...» — Журн. «Красная новь», М. 1926, № 1; «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 16, 17 января.

«Вечером синим, вечером лунным...» — Журн. «Красная нива», М. 1925, № 50, 6 декабря.

«Не криви улыбку, руки теребя...» — Журн. «Красная новь», М. 1926, № 2, февраль.

«Сочинитель бедный, это ты ли...» — Журн. «Красная новь», М. 1925, № 9, ноябрь.

«Синий туман. Снеговое раздолье...» — Альманах «Красная новь», М.—Л. 1925, № 2.

«Свистят ветер, серебряный ветер...» — Журн. «Красная нива», М. 1925, № 45, 1 ноября.

«Мелколесье. Степь и дали...» — Журн. «Красная нива», М. 1925, № 50, 6 декабря.

Бенка — род гармоники.

«Цветы мне говорят — прощай...» — Журн. «Красная нива», М. 1925, № 50, 6 декабря.

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» — «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1926, № 2, 2 января.

«Какая ночь! Я не могу...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1926, № 37, 12 февраля.

«Не гляди на меня с упреком...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1926, № 37, 12 февраля.

«Ты меня не любишь, не жалеешь...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1926, № 37, 12 февраля.

«Может, поздно, может, слишком рано...» — Газ. «Вечерняя Москва», 1926, № 30, 6 февраля.

«До свиданья, друг мой, до свиданья...» — «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1925, № 314, 29 декабря.

Последнее стихотворение Есенина 24 декабря 1925 года Есенин из Москвы приехал в Ленинград и остановился в гостинице «Англетер». 25, 26, 27 декабря он встречался со своими друзьями, многие бывали у него в номере. Е. А. Устинова, жившая в этой же гостинице, вспоминает, что днем 27 декабря она зашла в номер к Есенину. «Сергей Александрович стал жаловаться, что в этой «паршивой» гостинице даже чернил нет, и ему пришлось писать сегодня утром кровью. Скоро пришел поэт Эрлих. Сергей Александрович подошел к столу, вырвал из блокнота написанное утром кровью стихотворение и сунул Эрлиху во внутренний карман пиджака...

Позднее мы снова сошлись все вместе» («Воспоминания», стр. 470).

В. Эрлих вспоминает: «Часам к восьми и я поднялся уходить. Простились. С Невского я вернулся вторично: забыл портфель... Есенин сидел у стола спокойный, без пиджака, накинув шубу, и просмотрывал старые стихи. На столе была развернута папка. Простились вторично» («Воспоминания», стр. 466).

СТИХОТВОРЕНИЯ (1916—1925), НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ С. А. ЕСЕНИНЫМ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

«Вечер, как сажа...» — Журн. «Нева», Л. 1955, № 3, июнь.

«Прячет месяц за овинами...» — С. Есенин, «Избранное», М. 1952.

«По лесу леший кричит на сову...» — Журн. «Костер», М. 1946, № 7, июль.

«За рекой горят огни...» — С. Есенин, «Избранное», М. 1952.

Молотьба. — Журн. «Костер», М. 1946, № 7, июль.

«Скупались звезды в невидимом бреде...» — Сб. «Северная звезда», П. 1916, № 4, февраль.

«Не в моего ты бога верила...» — Газ. «Петроградский вечер», 1916, № 236, 7 февраля.

«Закружилась пряжа снежистого льна...» — Газ. «Петроградский вечер», 1916, № 239, 10 февраля.

Нищий с паперти. — Сб. «Северная звезда», П. 1916, № 8, 15 апреля.

Куканышей — см. прим. к стих. «Черная, потом пропахшая выть!..»

«Месяц рогом облако бодает...» — Журн. «Весь мир», П. 1916, № 16, апрель.

«Еще не высок дождь вчерашний...» — Сб. «Пряник осиротевшим детям», П. 1916.

«В зеленой церкви за горой...» — Литературные и популярно-научные приложения к журн. «Нива», П. 1916, № 10, октябрь.

«Даль подернулась туманом...» — Журн. «Красная новь», М. 1926, № 7, июль. Печатается по этому тексту.

«Небо сметаной обмазано...» — «Памятка о Сергеев Есенине», М. 1926.

И с у с м л а д е н е ц. — «Ежемесячный журнал», П. 1916, № 12, декабрь.

Стихотворение первоначально было запрещено царской цензурой (13 июля 1916 года). Печатается по тексту «Радуницы», 1918.

«Без шапки, с лыковой котомкой...» — Газ. «Биржевые ведомости», П. 1916, № 15741, 15 августа.

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Мечта. — Журн. «Нива», П. 1918, № 3, 20 января.

Из книги «Стихи о любви». — Других данных о намерении Есенина выпустить такую книгу нет.

Орапь — часть облачения дьякона — длинная широкая лента, надеваемая через плечо.

«День ушел, убавилась черта...» — «Ежемесячный журнал», П. 1916, № 11, ноябрь.

«Гаснут красные крылья заката...» — Сб. «Страда», П. 1916, март; под названием «Теплый вечер».

Печатается по тексту «Литературного приложения» № 1 к газ. «Известия ВЦИК», М. 1918, № 180, 22 августа.

«Синее небо, цветная дуга...» — Сб. «Скифы», П. 1917, № 1.

«Снег, словно мед ноздреватый...» — Газ. «Голос трудового крестьянства», М. 1918, № 157, 26 июня.

...преполовенской водой. — Освященная в церкви во время праздника преполовенья вода считалась целебной.

Лебедушка. — Журн. «Доброе утро», М. 1917, № 5—6, март.

«К теплому свету, на отчий порог...» — «Интимный журнал», П. 1917, № 1, март.

Печатается по тексту «Радуницы», 1918.

«Есть светлая радость под сенью кустов...» — Газ. «Во имя свободы» (однодневная), П. 1917, 25 мая.

«Не от холода рябинушка дрожит...» — «Ежемесячный журнал», П. 1917, № 7—10, июль — октябрь.

Печатается по тексту «Радуницы», 1918.

Иорданские брега. — Иордан — река, в которой, по евангельскому преданию, крестили Иисуса Христа.

Иосиф — один из библейских персонажей. По евангельской легенде, Христос родился в семье девы Марии и плотника Иосифа.

«Заря над полем — как красный тын...» — Сб. «Скифы», П. 1918, № 2.

Печатается по тексту «Радуницы», 1918.

«Небо ли такое белое...» — Антология «Поэты наших дней», М. 1924.

Умба — пристань на Белом море.

Разбойник. — Альманах «Свирель», Томск, 1918.

«Свищет ветер под крутым забором...» — «Свободный журнал», П. 1917, № 6, декабрь.

О родина! — «Свободный журнал», П. 1917, № 6, декабрь.

Печатается по тексту журн. «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 10, апрель.

«Пушистый звон и руга...» — Газ. «Знамя труда», М. 1918, № 113, 20 января.

Руга — слово имеет несколько значений: рубище, бедная одежда; пустошь; одна из форм оплаты служителей церкви.

Завязлый — занесенный снегом.

Королева. — Журн. «Доброе утро», М. 1918, № 3—4, февраль — март.

Сельский часослов. — Газ. «Знамя труда», М. 1918, № 224, 11 июня.

Печатается по тексту авторизованной машинописи (ЦГАЛИ), так как в газ. «Знамя труда» не учтено расположение строк, сделанное Есениным.

Чернявский В. С. (1889—1948) — товарищ Есенина, особенно близки они были в 1915—1918 годах.

Часослов — сборник молитв.

...начертательница третьего завета... — то есть основательница нового вероучения после Ветхого завета (Библии) и Нового завета (Евангелия).

Израмистил — в Библии, в книге пророка Исаии, имя избавителя и преобразователя.

«И небо и земля все те же...» — Газ. «Советская страна», М. 1919, № 2, 3 февраля.

Езекиильский глас ветров — от имени Езекииля, или Иезекииля — одного из библейских пророков.

Мрежа (мережа) — рыболовная снасть.

«Не стану никакую я девушку ласкать...» — С. Есенин, Собр. соч. в пяти томах, т. 2, М. 1961.

Кантата. — Журн. «Зарево заводов», Самара, 1919, № 1, январь.

Текст «Кантаты» состоял из трех частей, из которых первая часть была написана М. П. Герасимовым, вторая — Есениным, а третья — С. А. Клычковым. Написана к торжественному открытию мемориальной доски на Кремлевской стене в память героев революции. Доска, выполненная скульптором С. Т. Коненковым, была открыта в дни октябрьских торжеств 1918 года.

«Заметает пурга...» — Журн. «Жаворонок», М. 1918, № 1, январь.

«Ветры, ветры, о снежные ветры...» — С. Есенин, «Собрание стихотворений», т. 4, М.—Л. 1927.

Прощание с Мариенгофом.—Журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М. 1922, № 1.

Стихотворение написано незадолго до отъезда за границу (весна 1922 г.).

Папиросники.—Журн. «Красная нива», М. 1927, № 9, 27 февраля.

Печатается по тексту журн. «Красная нива».

«Грубым дается радость...» — «Стихи», 1924.

«Издатель славный! В этой книге...» — «Красная газета», вечерний выпуск, Л. 1925, № 316, 31 декабря.

Печатается по тексту «Красной газеты». Стихотворение адресовано И. И. Ионову (1887—1942), в те годы — директору Ленинградского отделения Гиза, где в 1924 году предполагалось издание сборника стихов Есенина «Ржаной путь».

«Цветы на подоконнике...» — Сб. «День поэзии», М. 1956.

Памяти Брюсова.—Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1924, № 700, 11 октября.

Стихотворение написано в связи со смертью В. Я. Брюсова (9 октября 1924 г.). См. также статью «В. Я. Брюсов» в т. 3 наст. изд.

Цветы.—Однодневная газ. «Арена» («Работники печати — работникам цирка»), Баку, 1925, 4 января.

Батум.—С. Есенин, Сочинения в двух томах, т. I, М. 1955.

В письме к Г. Бениславской от 20 декабря 1924 года Есенин писал о своей жизни в Батуме: «Днем, когда солнышко, я ожидаю. Хожу смотреть, как плавают медузы. Провожаю отезжающие в Константинополь пароходы и думаю о Босфоре. Увлечений нет. Один. Один... Однажды утром мы после кутежа едем к Леве и видим такую картину: идет на костылях хромой старик, тащит привязанную за пояс тележку, в тележке два щенка, на крыльях тележки две курицы, а на голове у него петух. Когда он идет, петух машет крыльями» (см. т. 3 наст. изд.).

Капитан земли.—Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1926, № 1109, 21 февраля, со следующим примечанием: «Впервые публикуемое стихотворение Сергея Есенина «Капитан земли» написано в январе 1925 года в Батуме накануне годовщины смерти Ленина».

Воспоминание.—Газ. «Заря Востока», Тифлис, 1926, № 1120, 7 марта.

Печатается по тексту газ. «Заря Востока».

Над омраченным Петроградом... — строка из первой части поэмы Пушкина «Медный всадник».

1 Мая.—Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 98, 5 мая.

«Первое мая 1925 года,—вспоминает бакинский журналист В. Швейцер,—Есенин встречал на рабочем празднике в Балаха-

нах. Он переходил от группы к группе, оживленный, разговорчивый, поднимая тосты за рабочих, принимая тосты за поэзию. Тонкие морщинки у щек разгладились, на бледные губы легла улыбка. Казалось, Есенин, озябший в своем уединении, грелся среди людского множества у праздничных костров человеческого тепла» («Воспоминания», стр. 409).

Пускай меня бранят за «Стансы»... — Есенин намекает на статью А. К. Воронского «На разные темы» (альманах «Наши дни», М. — Л. 1925, № 5), в которой было подвергнуто критике стихотворение «Стансы».

Не очень лефте! — От «Леф» — названия литературной группировки, возглавлявшейся В. Маяковским.

«Неуютная жидккая лунность...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 115, 25 мая.

«Тихий вечер. Вечер сине-хмурый...» — «Красная газета», вечерний выпуск. Л. 1926, № 73, 27 марта.

«Я иду долиной. На затылке кепи...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 174, 4 августа.

Печатается по тексту журн. «Красная нива», М. 1925, № 33, 9 августа.

«Я помню, любимая, помню...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 174, 4 августа.

Печатается по тексту журн. «Красная нива», М. 1925, № 37, 6 сентября.

«Море голосов воробьевых...» — Газ. «Бакинский рабочий», 1925, № 179, 10 августа.

Ах, у луны такое! Светит — хоть кинься в воду... — По воспоминаниям журналиста Н. Вержбицкого, эти строки связаны с рассказанной им Есенину легендой о китайском поэте VIII века Ли Пу (Ли Бо), который бросился в воду, захотев обнять отражение луны (см. Н. Вержбицкий, Встречи с Есениным, Тбилиси, 1961, стр. 32—33).

«Плачет метель, как цыганская скрипка...» — Журн. «Красная новь», М. 1926, № 1, январь.

Печатается по тексту журнала «Красная новь».

«Ах, метель такая, просто черт возьми...» — Журн. «Смена», М. 1946, № 3—4, февраль.

Это и два последующих стихотворения печатаются по спискам С. А. Толстой-Есениной (ГЛМ).

«Снежная равнина, белая луна...» — Журн. «Смена», М. 1946, № 3—4, февраль.

«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» — Журн. «Новый мир», М. 1959, № 12, декабрь.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Прокушев. О Сергее Есенине 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Вот уж вечер. Роса...»	35
«Там, где капустные грядки...»	36
«Поет зима — аукает...»	37
«Под венком лесной ромашки...»	38
«Темна ноченька, не спится...»	39
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»	40
«За горами, за желтыми долами...»	41
«Опять раскинулся узорно...»	42
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»	44
Подражанье песне	45
«Выткался на озере алый свет зари...»	46
«Матушка в Купальницу по лесу ходила...»	47
«Зашумели над затоном тростники...»	48
«Троицыно утро, утренний канон...»	49
«Туча кружево в роще связала...»	50
«Дымом половодье...»	51
«Сыплет черемуха снегом...»	52
«На плетнях висят баранки...»	53
Калики	54
«Задымился вечер, дремлет кот на брусе...»	55
«Край любимый! Сердцу снятся...»	56
«Пойду в скуфье смиренным иноком...»	57
«Шел господь пытать людей в любови...»	58
Осень	59
«Не ветры осыпают пущи...»	60
В хате	61
«По селу тропинкой кривенькой...»	62
«Гой ты, Русь, моя родная...»	64
«Я — пастух; мои палаты...»	65
«Сторона ль моя, сторонка...»	66
«Сохнет стаявшая глина...»	67
«Чую радуницу божью...»	68

«По дороге идут богомолки...»	69
«Край ты мой заброшенный...»	70
«Заглушила засуха засевки...»	71
«Черная, потом пропахшая выть!...»	73
«Топи да болота...»	74
«За темной прядью перелесиц...»	75
«В том kraю, где желтая крапива...»	76
«Я снова здесь, в семье родной...»	78
«Не бродить, не мять в кустах багряных..»	79
«О красном вечере задумалась дорога ..»	81
«Ношь и поле, и крик петухов...»	82
«О край дождей и непогоды...»	83
Голубень	84
«Колокольчик среброзвонный...»	86
«Запели тесаные droги...»	87
«Не напрасно duли ветры...»	88
Корова	89
«Под красным вязом крыльцо и двор...»	90
Табун	91
Пропавший месяц	93
«О товарищах веселых...»	95
«Весна на радость не похожа...»	96
«Алый мрак в небесной черни...»	97
«Прощай, родная пушка...»	98
«Покраснела рябина...»	99
«Твой глас незримый, как дым в избе...»	100
«В лунном кружеве украдкой...»	101
«Там, где вечно дремлет тайна...»	102
«Тучи с ожереба...»	103
Лисица	105
«О Русь, взмахни крылами...»	106
«Гляну в поле, гляну в небо...»	108
«То не тучи бродят за овином...»	109
«Разбуди меня завтра рано...»	111
«Где ты, где ты, отчий дом...»	112
«О матерь божья...»	113
«О пашни, пашни, пашни...»	114
«Нивы сжаты, рощи голы...»	115
«Зеленая прическа...»	116
«Я по первому снегу бреду...»	117
«Серебристая дорога...»	118
«Отвори мне, страж заоблачный...»	119
«О верю, верю, счастье есть!...»	120
«Песни, песни, о чем вы кричите?...»	121
«Вот оно, глупое счастье...»	122
«Проплясал, проплакал дождь весенний...»	123
«О муза, друг мой гибкий...»	125
«Я последний поэт дерсвни...»	127
«Душа грустит о небесах...»	128
«Устал я жить в родном kraю...»	129
«О боже, боже, эта глубь...»	130
«Я покинул родимый дом...»	131
«Хорошо под осеннюю свежесть...»	132

Песнь о собаке	133
«Закружила листва золотая...»	135
«Теперь любовь моя не та...»	136
«По-осеннему кычет сова...»	137
Песнь о хлебе	138
Хулиган	140
«Все живое особой метой...»	142
«Мир таинственный, мир мой древний...»	144
«Сторона ль ты моя, сторона!..»	146
«Не ругайтесь. Такое дело!..»	148
«Не жалею, не зову, не плачу...»	149
«Я обманывать себя не стану...»	150
«Да! Теперь решено. Без возврата...»	152
«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»	154
«Сыпь, гармоника. Скука... Скука...»	156
«Пой же, пой. На проклятой гитаре...»	158
«Эта улица мне знакома...»	160
«Годы молодые с забубненной славой...»	162
Письмо матери	164
«Я усталым таким еще не был...»	166
«Этой грусти теперь не рассыпать...»	168
«Мне осталась одна забава...»	170
«Заметался пожар голубой...»	172
«Ты такая ж простая, как все...»	173
«Пускай ты выпита другим...»	175
«Дорогая, сядем рядом...»	177
«Мне грустно на тебя смотреть...»	179
«Ты прохладой меня не мучай...»	180
«Вечер черные брови насопил...»	182
«Мы теперь уходим понемногу...»	183
Пушкину	185
«Низкий дом с голубыми ставнями...»	186
Сукин сын	188
«Отговорила роща золотая...»	190
«Синий май. Заревая теплынь...»	191
Собаке Качалова	192
«Несказанное, синее, нежное...»	193
Песня	195
«Заря окликает другую...»	197
«Ну, целуй меня, целуй...»	199
«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»	201
«Вижу сон. Дорога черная...»	202
«Спит ковыль. Равнина дорогая...»	203
«Не вернусь я в отчий дом...»	204
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»	205
«Каждый труд благослови, удача!..»	206
«Видно, так заведено навеки...»	207
«Листья падают, листья падают...»	209
«Гори, звезда моя, не падай...»	211
«Жизнь — обман с чарующей тоскою...»	213
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..»	215
«Я красивых таких не видел...»	216
«Ах, как много на свете кошек...»	217

«Ты запой мне ту песню, что прежде...»	218
«В этом мире я только прохожий...»	220

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

«Улеглась моя бытая рана...»	221
«Я спросил сегодня у менялы...»	223
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»	224
«Ты сказала, что Саади...»	225
«Никогда я не был на Босфоре...»	226
«Свет вечерний шафранного края...»	228
«Воздух прозрачный и синий...»	230
«Золото холодное луны...»	231
«В Хороссане есть такие двери...»	232
«Голубая родина Фирдуси...»	233
«Быть поэтом — это значит то же...»	234
«Руки милой — пара лебедей...»	235
«Отчего луна так светит тускло...»	236
«Глупое сердце, не бейся!..»	237
«Голубая да веселая страна...»	239
 «Эх вы, сани! А кони, кони!..»	240
«Снежная замять дробится и колется...»	242
«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...»	244
«Голубая кофта. Синие глаза...»	245
«Снежная замять крутит бойко...»	246
«Вечером синим, вечером лунным...»	247
«Не криви улыбку, руки теребя...»	248
«Сочинитель бедный, это ты ли...»	249
«Синий туман. Снеговое раздолье...»	250
«Свистет ветер, серебряный ветер...»	251
«Мелколесье. Степь и дали...»	252
«Цветы мне говорят — прощай...»	254
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»	255
«Какая ночь! Я не могу...»	256
«Не гляди на меня с упреком...»	258
«Ты меня не любишь, не жалеешь...»	260
«Может, поздно, может, слишком рано...»	262
«До свиданья, друг мой, до свиданья...»	264

СТИХОТВОРЕНИЯ (1916—1925), НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ С. А. ЕСЕНИНЫМ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

«Вечер, как сажа...»	267
«Прячет месяц за овинами...»	268
«По лесу леший кричит на сову...»	269
«За рекой горят огни...»	270
Молотьба	271
«Скупались звезды в невидимом бреде...»	272
«Не в моего ты бога верила...»	273
«Закружилась пряжа снежистого льна...»	274
Нищий с паперти	275
«Месяц рогом облако бодает...»	276

«Еще не высох дождь вчерашний...»	277
«В зеленой церкви за горой...»	278
«Даль подернулась туманом...»	279
«Небо сметаной обмазано...»	280
Иисус-младенец	281
«Без шапки, с лыковой котомкой...»	284
Мечта	285
«День ушел, убавилась черта...»	288
«Гаснут красные крылья заката...»	289
«Синее небо, цветная дуга...»	290
«Снег, словно мед ноздреватый...»	291
Лебедушка	292
«К теплому свету, на отчий порог...»	296
«Есть светлая радость под сенью кустов...»	297
«Не от холода рябинушка дрожит...»	298
«Заря над полем — как красный тын...»	299
«Небо ли такое белое...»	300
Разбойник	301
«Священ ветер под крутым забором...»	302
О родина!	303
«Пушистый звон и руга...»	304
Королева	305
Сельский часослов	306
«И небо и земля все те же...»	310
«Не стану никакую я девушку ласкать...»	311
Кантата	312
«Заметает пурга...»	313
«Ветры, ветры, о снежные ветры...»	315
Прощание с Марненгофом	316
Папироны	318
«Грубым дается радость...»	319
«Издатель славный! В этой книге...»	321
«Цветы на подоконнике...»	322
Памяти Брюсова	323
Цветы	325
Батум	329
Капитан земли	333
Воспоминание	336
1 Мая	338
«Неуютная жидкая лунность...»	340
«Тихий вечер. Вечер сине-хмурый...»	342
«Я иду долиной. На затылке кепи...»	343
«Я помню, любимая, помню...»	345
«Море голосов воробышных...»	346
«Плачет метель, как цыганская скрипка...»	347
«Ах, метель такая, просто черт возьми...»	348
«Снежная равнина, белая луна...»	349
«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»	350
Примечания	353

Сергей Александрович Е С Е Н И Н.

Собрание сочинений
в трех томах.

Том I.

Редакторы тома
А. А. К о з л о в с к и й, Ю. Л. П р о к у ш е в.

Оформление художника
Е. М. К а з а к о в а.

Технический редактор
А. И. Ш а г а р и н а.

Сдано в набор 24/IX—25/XII. 1969 г.

Подписано к печати 3/II 1970 г.
Бумага типогр. № 1. Форм. бум. 84×108 $\frac{1}{32}$.
Объем 20,68 усл. печ. л. 12,92 уч.-изд. л.
Тираж 1 940 000 экз.
(3-й завод — 640 001 — 960 000).
Изд. № 433. Зак. № 2675. Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина, Москва, А-47,
улица «Правды», 24.

Индекс 70687

Scan Kreyder - 23.12.2017 - STERLITAMAK

90 (or)